

ТРЁХКОЛЁСНЫЙ «МЕРСЕДЕС»

I

Гнев овладевает человеком по-разному. На одних он накатывает волнами, раз за разом всё более мощными, чтобы потом, подобно «девятому валу», придуманному и запечатлённому Айвазовским, смести всё и вся на своём пути. Других же гнев охватывает полностью и сразу, заполняя снизу вверх, словно кота Тома в мультфильмах Уолта Диснея, подобно легендарной «блуждающей волне», появляющейся среди совершенно спокойного моря и уничтожающей суда с беспечными, ничего не подозревающими командами. В первом случае гнев оставляет шанс человеку справиться с ситуацией, а вот второму типу людей от разрушительных последствий внезапно разбушевавшегося характера спастись невозможно...

Андрей Соболев, учитель музыки одной из общеобразовательных школ небольшого северного городка Нефтеозёрска, был ярким представителем второго типа «гневливцев», охватываемый праведным, но разрушительным чувством мгновенно, словно облитый бензином стог сена. Вот и сейчас кипел «разум возмущённый» и пылало бородатое лицо педагога и музыканта, в очередной раз столкнувшегося с номенклатурной подлостью. Объектом гнева учителя был директор школы, где работал Андрей. Удивительно похожий на «национального лидера», «руководитель педагогических побед и достижений» даже характером своим и реакциями напоминал питерского кагэбешника, вознесённого на властный олимп похмельной волей первого российского президента. Чья злая воля наделила властью Виктора Витальевича Петюнина, Андрей не знал, но догадывался, что тоже не обошлось без чьей-то «крепкой руки»...

А конфликт с провинциальным двойником самого спортивного в мире политика назревал давно, хотя поначалу ничего не предвещало музыканту и учителю «вихрей враждебных». На работу в общеобразовательную школу Андрея пригласила Татьяна Николаевна Ермакова – предшественница Петюнина на директорском посту. Заезженный капризами и интригами Киры Лазаревны – бессменной и, казалось, вечной главы детской школы искусств, Соболев страстно мечтал сбросить иго придинок и иных «руководящих штучек» бабушки-директриссы, как мечтали о полной независимости жители английских колоний в Новом Свете. Приглашение Ермаковой перейти на работу из сферы культуры в городскую систему образования, было воспринято Андреем, как знак Судьбы и, недолго думая, он, «отряхнувши прах со своих ног», стал учителем музыки в средней школе. Стал, хотя уже однажды зарекался «сеять разумное, доброе, вечное» в условиях системы всеобщего среднего образования. Дело в том, что посулили хормейстеру с консерваторским образованием педагогические часы для создания хорового класса, где дети начинали бы заниматься искусством совместного пения с первых дней учёбы в школе. И это не было пустыми «прожекторами», потому что образовательное учреждение, возглавляемое Ермаковой, имело статус «школы с углублённым изучением предметов эстетического цикла». Конечно же, поступок Андрея, «махнувшего не глядя» пожилую директоршу на руководительницу среднего возраста, носил привкус авантюры, но иного места работы в маленьком нефтяном городке просто не было, тем более что «начальственная стезя» вот уже много лет обходила Соболева стороной – сказывалась

всеобщая по стране нехватка руководящих должностей. Опять же, была надежда, что в огромной (по сравнению с ДШИ) школе у педагога было больше шансов затеряться и, спокойно занимаясь своим делом, не попадаясь на глаза начальству...

Кто же знал, что кривая жизни вполне успешной Татьяны Николаевны уже неумолимо приближалась к точке падения? На раздумья Андрей попросил пару месяцев и, вернувшись из отпуска, был принят на работу в общеобразовательную школу. Буквально на следующий день городские власти и работники управления образования представляли педагогическому коллективу нового директора. Как рассказали ничего не понимавшему Соболеву новые коллеги, Ермаковой были недовольны в связи с перерасходом бюджетных средств, отпускаемых на ежегодный ремонт каждой городской школы. Фигурировали какие-то разбитые унитазы и, ставший регулярным и даже традиционным ремонт плоской школьной крыши, ежегодно пожиравший львиную долю городского образовательного бюджета.

Новым директором, с которым и связывало свои надежды городское начальство, был Виктор Витальевич Петюнин – сорокадевятилетний мужчина, поразительно похожий на другую, уже в национальных масштабах, надежду – Владимира Владимировича Путина. Поставленным начальственным, правда, слегка гундосым баритоном, новый шеф рассказал свою биографию типичного учителя, с младых ногтей мечтавшего о карьере управленца, заодно коснувшись наиболее школьных проблем. Зал, сообразно ещё советской традиции, настороженно заплотировал. А дальше начались образовательные будни, неизбежные для любой школы на постсоветском пространстве в преддверии Дня знаний – мытьё классов, уборка территории, сдача календарно-тематических планов и, разумеется, знакомство с вновь принятыми на работу.

Андрея в городе хорошо знали, так что особо знакомиться не приходилось. В школе существовал целый художественно-эстетический центр (сокращённо ХЭЦ) и новый учитель постарался поскорей «влиться в коллектив». Этому способствовал «День именинника», организованный по инициативе ХЭЦовского завуча Натальи Ивановны Кировой. Однофамилица пламенного большевика считала, что коллектив необходимо сплотить и спаять. Спаять, конечно же, вокруг руководителя. Застолье с поздравлениями летних новорожденных проходило в кабинете музыки под благосклонными взглядами классиков отечественного музыкального искусства – Римского-Корсакова, Прокофьева и Кабалевского. Как и положено по классическим музыкальным канонам, неформальное мероприятие легко укладывалось в сонатную форму с обязательной экспозицией – знакомством, встречей после отпуска и поздравлениями, разработкой – непосредственным воздействием и последующим весельем, и репризой (правда, сокращённой) – своеобразным подведением итогов во время мытья посуды, хранившейся здесь же среди аудиокассет, виниловых дисков, плакатов и методической литературы. Чем-то этот педагогический сабантуй напоминал посиделки в ДШИ, которые непременно возглавляла Кира Лазаревна, тоже считавшая своей обязанностью «спланировать и спланировать» людей вокруг себя. Но, Андрей особенно не напрягался по этому поводу, ведь «страшнее кошки зверя нет», а образ мудрой и деспотичной директрисы ДШИ всё ещё заставлял его, как говорится, вздрагивать по ночам...

ХЭЦ был в какой-то мере автономным образованием в структуре школы. Объединял художественно-эстетический центр педагогов творческих профессий – музыкантов, художников, хореографов, «театралов» и технологов (по старорежимному, дореформенному наименованию – учителей труда). Углублённо-эстетический статус учебного заведения, позволял включать такие, в условиях обычной школы

дополнительные, «кружковые» предметы как театр, история искусств и хореография, непосредственно в учебное расписание. Кроме того, в старшей школе формировались эстетические классы с углублённым изучением ИЗО и сценического мастерства. Поскольку под этот эксперимент выделялось очень много педагогических часов, учителя обычных (не экспериментальных) предметов «ХЭЦов» недолюбливали, активно перенося на них в чём неповинную «богему», извечную нелюбовь соотечественников к любой власти. Дело в том, что директор Татьяна Николаевна, «замутившая» эксперимент с «углублёнкой», тоже была музыкантом, то есть существом «второго сорта» по мнению представителей точных наук, филологов и даже учителей младших классов. С падением Ермаковой основной коллектив учителей возликовал и стал накапливать «отрицательные флюиды», направленные на, занятых своим неподъёмным, но таким сладким бременем, «ХЭЦманов». Новый шеф пока присматривался и не торопился возглавить и направить порыв учительских масс...

II

Страсти в кабинете директора накалялись. Внезапно нахлынувшая мощная волна гнева несла Андрея на острые скалы его характера. Крушение казалось неминуемым. Уже непроизвольно сжались кулаки, и внутренняя пружина действия вытолкнула Соболева из полу-кресла, предназначенного для уютных совещаний «в узком кругу», а отнюдь не для выяснения отношений, напоминавших сечу при Керженце, в сторону ненавистного администратора. «Не смейте повышать на меня голос!», - не сказал и не выкрикнул, а утробно прорычал Андрей. Ещё мгновение и его руки вцепились бы в лацканы директорского пиджачка...

Петюнин, казалось, только этого и ждал, хотя ему было явно не по себе – опальный педагог много лет активно занимался силовым троеборьем, да и сейчас поддерживал форму, тренируясь дважды в неделю. Шеф это знал и, ликуя, внутренне сжался, побаиваясь крепких рук коренастого, похожего скорее на учителя физкультуры, а не музыки, Андрея. А ликовал «успешный менеджер» неспроста – его план по провоцированию Соболева на неадекватные действия почти удался. Зрительный ряд в лице трёх завучей, Председателя конфликтной комиссии и профорга с интересом ждал развязки. У каждого на лице, как это всегда и бывает в «острый момент», невольно отразились глубинные черты внутренней сути человека. Завуч старшей школы, Тамара Васильевна, сидевшая ближе всех к руководящему, перпендикулярно поставленному столу шефа, опустила глаза долу, явно испытывая если не стыд, то неудобство от участия в школьном «аутодафе». Председатель Конфликтной комиссии Белова прятала чувства за непроницаемой, чуть надменной маской, к финалу карьеры становящейся родной почти у каждого опытного администратора. Правда, в её глазах Андрей успел заметить мелькнувший свет сочувствия. Толку от этого человеческого проявления в нечеловеческих условиях не было никакого, так как Белова находилась, как принято говорить, в предпенсионном возрасте и была полностью зависима от любого каприза хозяйского, далеко не золотого, характера. Профсоюзный бог Гера Дискантович сидел красный от смущения. Он прекрасно понимал, что в настоящий момент происходит, но тоже стоял перед выбором – остаться благополучным или порядочным. В условиях реформируемого образования и наступившего в стране финансово-экономического кризиса проблема была неразрешимой – приходилось жертвовать или благополучием, или порядочностью. А вот на прикрытом большими старомодными очками лице Елизаветы Исаевны Васько – завуча

младшей школы, без труда можно было прочесть явное удовлетворение сложившейся ситуацией. Опытная интриганка, она давно и планомерно «копала» под весь ХЭЦ, испытывая какое-то извращённое удовольствие, когда удавалось поймать одного из «эстетов» на, пусть даже мелком, но старательно зафиксированном «нарушении режима». Исключение составляла лишь заместитель директора по воспитательной работе, непосредственно руководившая ХЭЦем и за эту свою работу постоянно получавшая выговора и иные «втыки» от руководства. Елена Ивановна Хорохорина тоже была учителем музыки и в силу этой причины прекрасно понимала беспочвенность претензий администрации к эстетическому центру вообще и к Андрею Соболеву в частности. Выглядела Лена, как между собой запросто называли её педагоги ХЭЦа, растерянной, точно как и, подвергаемый расправе, Соболев.

Андрей, периферийным зрением «на автомате» отметивший все детали поведения «почётных гостей», сумел понять, что может совершиться действительно непоправимое – драка при предусмотрительно собранных свидетелях с нанесением «тяжких телесных», после которой у фактически подследственного учителя уже не будет шансов хоть как-то выправить ситуацию. Выйти на полном ходу из «боевого транса» оказалось нелегко, но каким-то сверх невероятным усилием Андрею удалось обуздать свой «африканский» темперамент. Он резко вернулся на место. «Андрей Владимирович, к чему это «кино»?», - разочарованно воспрянул Петюнин. «Вы лучше употребите Вашу энергию на написание объяснительной», - продолжил директор. Да, составлять и писать бумаги в системе образования не просто умели, а по-настоящему любили...

Общеизвестным фактом является огромная загруженность учителей бумажной работой. Видимо для чиновников от образования, учительская «писанина» - главный показатель эффективности их руководящей деятельности. Учителя много пишут, особенно во время образовательных реформ. Календарно-тематические и поурочные планы, всевозможные отчёты, рабочие программы и программы дополнительного образования – всего просто не перечислить. А ведь ещё есть и уроки с живыми (не бумажными!) детьми. Уроки, к которым нужно обязательно готовиться, потому что нынешним жителям «страны Знаний» пальца в рот не клади – откусить, не откусят, но раскусят халтуру, как говорится «с пол-оборота». Предмет «Музыка» - не исключение. Давно канули в прошлое уроки, проводимые «дядькой с баяном» - неудавшимся и порой пьющим музыкантом, не сумевшем устроиться в музыкальной школе или ДК. Уроки, где главной формой работы было разучивание и исполнение песен и песенок, а основным методическим приёмом или бесконечные окрики, или беспомощные уговоры, тоже стали достоянием истории педагогики. Сегодняшнее общение с детьми на уроке музыки в средней школе – сложный педагогический процесс, напоминающий развлекательное телевизионное шоу (при отнюдь не шоуменской учительской зарплате), лишь на треть связанный с исполнительской практикой ребятишек, порой сильно травмированных пресловутым, «наступившим на ухо» медведем.

Перейдя в среднюю школу, Соболев, словно попав в водоворот, завертелся в стремительной и полноводной реке школьной «текучки». Считавший себя вполне подготовленным к непосредственной работе в классе, Андрей с ужасом обнаружил, что лекторская манера, усвоенная им во время работы в музыкальном училище и школе искусств, попросту не срабатывает. Благо несколько лет назад, ещё в ДШИ, проводились курсы повышения квалификации, на которых и шла речь о новых (сейчас бы сказали – инновационных) формах и технологиях работы на уроке искусства. Проводила занятия удивительная женщина – профессор из Новосибирска Людмила Павловна Маслова. И если

поначалу её «ноу-хау» встречали стойкое внутреннее сопротивление преподавательской массы, то к концу недельных курсов все, без исключения, присутствовавшие, раскрепостившись и усвоив технологию, лихо писали стихи, сочинения о музыке и живописи, легко проникая в суть самого авангардного творчества. Андрей, настроенный скептически, очень быстро «оттаял» и с наслаждением трудился на занятиях. Пару его стихотворений на заданную тему Людмила Павловна оставила себе на память. Понимая, что в условиях школы искусств, где главными идолами являются Умения и Навыки непосредственного музицирования, полученные знания можно было применить лишь в некоторых случаях, Соболев, тем не менее, «отксерил» и переплёл книгу Масловой «Педагогика искусства», за что «себя любимого» и благодарил неоднократно после перехода в систему образования. Освежив знания почти пятилетней давности, Андрей, следуя принципу «глаза боятся, а руки делают», начал применять масловскую технологию в работе, очень быстро развив и дополнив методы новосибирского профессора своими наработками. Так на уроках появились гитара и блок-флейта, зазвучали бардовские песни и стихи любимых учителем поэтов. Справился он и с педагогической «писаниной», став образцом своевременности сдачи планов и отчётов. А вот с хоровым классом, главной причиной и главным условием перехода в общеобразовательную школу, было нелегко. На тридцать шесть тысяч жителей Нефтеозёрска в городе работали музыкальная школа и школа искусств, студии эстрадного вокала при Доме культуры и внутри ДШИ. Добавьте к этим очагам культуры и детского дополнительного образования танцевальные кружки и хореографическое отделение в, покинутой Андреем, ДШИ, художественную школу и множество спортивных секций, и у вас сложится полная картина занятости юных нефтеозёрцев. Понятно, что детей «на всех» не хватало. Избалованные поистине безбрежными возможностями самореализации, нефтеозёрские «объекты воспитания и обучения» вели себя, как гурманы за обильной трапезой, при первых признаках «насыщения», словно от блюда к блюду, легко переходя из школы искусств в «художку», или из хореографической студии в спортивную секцию. А тут ещё выяснилось, что специализированный хоровой класс, о котором предварительно шла речь, превратился в кружок. Конечно же, Андрей громко назвал его студией, но сути это не изменило, так как дети приходили к учителю после уроков и набирались из разных детских классных коллективов.

Набирать детей в студию нужно было максимально быстро, иначе часы, отведённые для занятий, попросту бы испарились. Вот и начал учитель музыки занятия с хором, состоявшим на три четверти из «гудошников», к тому же занятых в спортивных секциях или танцевальных кружках. Правда, часов дали не меряно, так что Андрей смог не только заниматься хоровым классом, но и организовал группы по сольфеджио, надеясь наладить у травмированных даже не медведем, а слоном ребятишек, координацию между слухом и голосом. И дело таки сдвинулось с «мёртвой точки»...

III

Публичная казнь при руководящем активе школы вступала в следующую стадию – «коллективное побивание камнями». Каждый из присутствовавших представителей директорской команды должен был осудить преступление учителя и, кроме того, высказать свои претензии по непосредственной работе. А преступление Андрея Владимировича Соболева заключалось в том, что он, защищая свою дочь, не сдержался и слегка «пощупал» кулаком грудную клетку и, соответственно коленом, промежность

здоровенного, под «метр девяносто», девятиклассника, публично оскорбившего Настю, а за тем и ударившего учительского ребёнка по голове. Пикантность ситуации заключалась в том, что незнакомый с правилами общения с противоположным полом верзила тоже был сыном, работавшей в этой же школе, учительницы. Невольными свидетелями «сцены возмездия» стали некоторые педагоги, и происшествие стало достоянием гласности. Правда Андрей и не стремился «окружить покровом тайны» произошедшее. После «разборок» с хамоватым девятиклассником, разъярённый учитель тут же отправился в младшую школу к матери зарвавшегося акселерата. Отправился и предупредил, что если в отношении Насти ещё раз повторится подобная выходка, то с, «не делаемым во время конфликта различия по половому признаку» юношей, он – отец, будет говорить уже по-мужски, вне школы и с тяжёлыми для «подонка» последствиями. Казалось, инцидент был исчерпан. Но это только казалось. Ситуацией воспользовался Петюнин и вот, спустя месяц после происшествия, директор школы пытался совершить «гражданскую казнь» неугодного учителя...

Почти у каждого руководящего работника нашлись «нужные» слова. Тамара Васильевна посетовала, что Андрей ставит двойки в четверти и с ним «невозможно договориться». Таким образом, учитель музыки, по мнению завуча, противопоставляет себя остальному педагогическому коллективу – отсюда и конфликтная ситуация с девятиклассником. Дискантович, покраснев, словно в парной, сказал, что Соболев совершил акт психологического насилия над ребёнком. Елизавета Исаевна Васько, придерживая правой рукой сползающие с носа очки, тихим, свойственным тонким психологам и руководящим работникам «новой России», голосом поведала о том, как Соболев в некоторых журналах записал с опережением темы уроков, чем нарушил правила ведения документации. Правда о том, что именно этих журналов никогда не было на уроке (так как в субботу завуч на работу не торопилась, а все классные «гроссбухи» младшей школы находились в её кабинете («режим!») под замком), Елизавета Исаевна благоразумно промолчала. Председатель конфликтной комиссии отметила, что педагог не должен был сам пытаться разобраться с распоясавшимся хамом, а обратиться за помощью к администрации. Лишь Лена Харахорина, недоумевающая, спросила, почему, собственно, никто не говорит о том, что у дочери учителя в результате «выяснения отношений» с громилой врачи диагностировали сотрясение мозга. Мозга, который очень даже неплохо все эти годы «работал на престиж школы, решая олимпиадные задания, выигрывая в городских, окружных и общероссийских конкурсах». «Мы сейчас говорим о преступлении учителя, а не о конфликте детей!», - одёрнул незадачливого заместителя Петюнин. Дальше сцена полностью перешла в разряд творчества великого Кафки. «Используя служебное положение, Андрей Владимирович незаконно проник в школу и терроризировал ребёнка», - словно общественный обвинитель в суде, гремел Виктор Витальевич. «И вообще, Соболев ведёт себя вызывающе, обособляясь внутри педагогического коллектива, позволяя себе хамский тон в общении с Администрацией школы и нарушая правила существующего распорядка...», - завершил обвинительную речь директор. И тут же вынес вердикт: «Конфликтной комиссии разобраться во всех деталях происшедшего, а за нарушение ведения документации – выговор». И тут же, не забывая об обязательной коллегиальности решения, обратился к замам и профсоюзному «вожаку»: «Все согласны?». Разумеется, никто не возражал, даже Лена Хорохорина. «Кстати, Андрей Владимирович, городская Прокуратура возбудила уголовное дело против Вас...», - пристально, по-путински глядя в глаза учителю, сказал «под занавес» Петюнин. «Вы, конечно, очень яркий человек, но за такие вещи увольняют по статье!», - не сдерживая

радости, закончил директор. «Я не сомневаюсь, что Вы, Виктор Витальевич, не упустите случая...», - ответил, покидая руководящий кабинет, Соболев...

К конфликтам с руководством Андрею было не привыкать. Ещё в Якутии, куда они с женой попали «благодаря» мирному чернобыльскому атому, Соболевы пытались доказать директору Крест-Хальджайской музыкальной школы, что уровень преподавания не зависит от «уровня «прогибания». И тогда (слава КПСС!) доказали! Даже в церковной жизни конфликты преследовали неопита и регента. Правда, в противостоянии с настоятелем Казанской церкви отцом Николаем родилось любимое детище Андрея – Православное певческое общество города Чернигова, но «установка на конфликт» стала одним из главных векторов жизни. В годы становления украинской «незалежності» Андрей долго сопротивлялся тотальной и бессмысленной украинизации, находя отдушину в работе с хором Православного певческого общества и надеясь, что из любительского коллектива сложится профессиональный камерный хор. После VIII Московского фестиваля православной музыки, где хор из Чернигова сумел тронуть сердца и уши взыскательной столичной публики а так же получить самые высокие отзывы организаторов, идея создания филармонического камерного хора на базе творческого коллектива ППО просто «носила в воздухе». Отзывы о выступлении в Рахманиновском зале Московской консерватории Соболев разнёс по всем высоким кабинетам. Разумеется, новый творческий коллектив при областной филармонии был создан, но с другими людьми и другим, «національно свідомим» руководителем. Отчаявшись «перешибить обух» националистического маразма, Андрей вновь ринулся на милый сердцу русский Север. Но и там, в «советском заповеднике» Ямала, наследственно-революционный характер Соболева (а в родословной с обеих сторон были лишь «красные» участники Гражданской войны) снова и снова звал его в бой. Казалось «конфликтные ситуации» сами искали, приглянувшегося им, учителя. Получалось всё, что было сделано им как специалистом, делалось не благодаря, а вопреки воле начальства. Какой, в конце концов, удалось создать детский сводный хор ДШИ! Мощное многоголосье, хороший ансамбль и далеко не криминальный строй были гордостью хормейстера. Были, но ненадолго. Ушли из школы выпускники, в своё время, овладевая умениями и навыками пения в хоре, «попившие крови» учителя, но уже распевшиеся и постигшие премудрость «музыкальной грамматики». Чтобы закрыть образовавшуюся брешь, Андрей попросил у незабвенной Киры Лазаревны иллюстраторские часы для женщин-преподавателей, готовых стать на время ведущими в каждой из партий детского хора. Старченко, не скрывая удовольствия, отказала и хор увял...

В общеобразовательной школе малыши пошли в хоровой кружок, как говорится - «на учителя». Андрей старался не обмануть их ожиданий, так организовывая занятия, чтоб ребята, погружённые в мир не очень занимательных упражнений, что неизбежно на первоначальном этапе обучения, не скучали. Организовал, да так, что порой и утихомиривать, разрезвившихся на дороге в страну Гармонии учеников, приходилось строгим окриком. Как ни странно, именно в период наибольшей замотанности Соболева часто посещало композиторское вдохновение, причём тоже «не от хорошей жизни». Существование с таким трудом собранного и обученного церковного хора, было под угрозой, так как единственный «живой» тенор - плотник Володя, постигший под руководством регента и нотную грамоту, и основы вокала, уезжал из города. Поскольку церковный хор долгое время имел статус городского камерного и подпитывался небольшими ежемесячными вливаниями из городского бюджета, Андрей на концертные выступления ставил в теноровую партию православную, но далёкую от церковной жизни

Нелли Николаевну Голоту – преподавателя теоретического отделения ДШИ и инославного, но музыкально грамотного татарина Тимура – штатного баяниста городского дома культуры.

С нечастыми концертами регент выкручивался, а вот на церковных службах приходилось туговато. В одном из летних отпусков, буквально потом, Андрей переложил весь нотный обиход церковного пения для неполного смешанного трёхголосного хора. Партитуры и поголосники были аккуратно переплетены и увезены в Нефтеозёрск. Казалось, проблема решена. Но вот в чём была загвоздка – певчие на клиросе были образованными музыкантами и простенький обиход им быстро приелся. Как говорится, «исчез блеск в глазах». Запираясь в классе на больших переменах и продуктивно используя школьные «окна» в расписании, Соболев перекладывал церковные песнопения Архангельского, Чайковского, Турчанинова и Бортнянского для своего, потерявшего теноровый голос, неполного хора. Именно тогда родилась шутка о «трёхколёсном «Мерседесе». Действительно, как и лучшее в мире авто, четырёхголосная хоровая фактура пришла в Россию с Запада. Ну, а всё привнесённое извне, русский народ удивительным образом сумел приспособить «под себя». Приспособить, да ещё и мир удивить! Вспомнив, подкованную Левшой, «аглицкую» блоху, Андрей, объясняя настоятелю (инженеру «в прошлой жизни») все сложности работы с церковным хором, и по аналогии сравнивая четырёхголосный хор с заграничным четырёхколёсным же автомобилем, как-то назвал «продукт» своего труда «трёхколёсным «Мерседесом». С тех пор так и повелось – уже сами певчие, посмеиваясь, спрашивали: «Мы сегодня на службу наш «Мерседес» выкатывать будем?». «Да, все три колеса!», – отвечал регент. Очень скоро Андрей понял, что великие мастера русской духовной музыки так же нуждаются в переделке, как пресловутый заяц в «стоп-сигнале». Понял, и попробовал сам сочинять песнопения, как говорят актёры, «в заданных обстоятельствах». Муза, посетившая, уже было отчаявшегося, регента, была дамой исключительно щедрой. Буквально за год были написаны Всенощная и Литургия для неполного смешанного трёхголосного хора и Соболев, он же церковный регент, сам не ожидавший от себя такой композиторской прыти, вздохнул спокойно...

IV

А школьная жизнь разделилась для Андрея на «до» и «после» директорского «аутодафе». И если «до» как-то всё было «в пределах нормы», то «после» стало сплошной «нештатной ситуацией». На нервной почве «перемкнуло» голосовые связки незадачливого мстителя-вокалиста, и Андрей был вынужден лечь в больницу, правда, стационар был дневным. Благосклонные ранее к ведущему всех милицейских праздников «органы», стали пристально вглядываться во внутренний и профессиональный облик Соболева. Был назначен дознаватель, проведён предварительный допрос и учитель, доселе имевший представление о милицейском делопроизводстве лишь по кино и детективным романам Марининой, дав подписку о невыезде, как лицо, находящееся под следствием, ещё и «пальчики откатал», испытав при этом ни с чем несравнимое унижение...

Приближалась Пасха, и регент дважды в неделю по вечерам, «впотаю» собирал хор на спевки. Сам дирижёр почти не пел (лечился), но голос всё равно к концу репетиции садился и, каждое утро, возвращаясь в больничное отделение, Андрей со страхом думал о том, что «нарушение режима» будет обнаружено опытным лечащим врачом. Но, слава Богу, выздоровление, хоть и медленно, но неотвратимо приближалось. А вот с уголовным делом всё обстояло гораздо сложнее. Не было у Соболева своего юридического «лечащего

врача»-адвоката и он пользовался разовыми консультациями близкой родственницы директора ДК, очень тепло относившейся к бессменному ведущему и автору сценариев многих городских мероприятий. Заключить договор с адвокатом мешало понимание, что отнюдь не безвозмездная помощь юриста, влетит в копеечку. Причём в ту самую «копеечку», что откладывали супруги Соболевы на приближающийся и, всегда для учителя долгожданный, отпуск...

Как-то ближе к вечеру, когда уже скорые на руку северные сумерки ликвидировали неяркий мартовский день, в квартире учителя-«рукоприкладчика» раздался телефонный звонок. «Слушаю, Соболев», - по армейской привычке, представившись, ответил Андрей. «С Вами будет говорить Владимир Андреевич Бузовский – Глава муниципального образования», - послышалось в трубке. Тут же Андрей услышал хорошо знакомый, с хрипотцой, приобретённой за годы руководящей работы, наполненной разносами подчинённых, голос Главы, которого по ассоциации с распиаренным градоначальником столицы, все называли мэром. «Здравствуйте, уважаемый!», - борясь с отдышкой, приветствовал Андрея Бузовский. «Как Вы смотрите на то, чтобы подготовить и провести партийную конференцию по мерам преодоления кризиса?», - спросил мэр. «Не вижу препятствий!», - цитируя фразу из любимого фильма, отвечал Андрей. «Только вот не знаю, вдруг конференция совпадёт с исполнением наказания, которое на меня наложит суд...», - сказал, преследуемый законом, учитель. Соболев прекрасно понимал, что звонок Бузовского – шанс на защиту высокого лица, щедро и неожиданно выданный судьбой. «А что у Вас случилось?», - поинтересовался Владимир Андреевич. Кратко, но внятно, как будто только того и ждал, Андрей обрисовал сложившуюся ситуацию. Голос мэра в трубке утратил неторопливость и свойственную начальникам в конце рабочего дня расслабленность. «Срочно ко мне!», - не сказал, а уже почти приказал Бузовский. «Через полчаса буду!», - отвечал Соболев, внутренне ликуя, от такого поворота событий. Сам бы он никогда не пошёл «на поклон» к Владимиру Андреевичу. Потому что, во-первых – это выглядело бы как кляуза на Петюнина, а во-вторых, Андрей испытывал жесточайший дискомфорт при обращении с личными просьбами к начальству. Нет, он не стеснялся! Но старался сам решать свои проблемы, так как понимал, что постоянно надоедающий проситель, становился в глазах руководства слабым и очень зависимым человеком. Человеком, которым легко и удобно просто помыкать, а не сотрудничать (или хотя бы создавать видимость сотрудничества) с ним. Несколько лет назад, ещё работая в ДШИ, Соболев просил Владимира Андреевича «порешать» его жилищный вопрос. Мэр не отказал, и спустя некоторое время, «коммуна» в деревянной трёхкомнатной квартире стала полностью принадлежать «лучшему конферансье округа» - именно так рекомендовал Соболева гостям города Бузовский. После того случая «конферансье» всячески избегал обременять просьбами Владимира Андреевича. Он и в общеобразовательную школу перешёл, потеряв надежду решить проблемы с Кирой Лазаревной «мирным путём». Перешёл, как говорится, «на свою голову», невольно сменив довольно безобидную «бабушку» на опытного «пожирателя подчинённых». Андрею было, что рассказать Бузовскому...

За три года своего директорства, Петюнин понял, что близость учителя музыки к городскому начальству никак им в практическом плане не используется. Андрей не знал, какие «схемы» складывались в изошрённом интригами уме директора, но спокойная независимость простого учителя стала раздражать «непосредственное руководство». Началось всё не вдруг. Поначалу стали раздаваться голоса завучей о недопустимости отмены уроков в связи с концертными выступлениями Андрея. А надо сказать, что

отпрашивали консультирующего учителя с работы первые лица города – заместители Главы или начальники управлений. Было это не часто, но довольно регулярно – Нефтеозёрск являлся своеобразным «городом-праздником», радостно отмечавшим почти все календарные праздники и мало-мальски заметные даты в жизни округа, области и самого Нефтеозёрска. Учитывая то обстоятельство, что жизнь в бывших вахтовых посёлках не балует разнообразием культурной жизни (театры и филармонии далеко, а всенародно любимые народные и заслуженные артисты и того дальше), такая «внутренняя культурная политика» городского руководства не вызывала отторжения со стороны большинства нефтеозёрцев. Ну а работники культуры и местная самодеятельность отдувались за троих (в том числе и за «народных» с «заслуженными»). Против городской культурной политики, как говорится, сильно «не попрёшь», но мелкие неприятности в школе раскручивались по спирали. Реформа системы образования тому немало поспособствовала...

Хоровой кружок, громко именуемый студией «Кантилена», успешно работал два года. За это время выровнялись «гудошники» и отсеялись случайные дети, а в звучании оставшихся появились ансамбль, приемлемый строй и необходимые музыкальные нюансы. Наконец хормейстер решил, что «кантиленщики» могут дебютировать на городской сцене. Случай для выступления тут же представился. Городское Управление образования праздновало свой десятилетний юбилей. Вообще-то слово «юбилей» в переводе с иврита означает «пятидесятилетие», но в русском значении уже давно юбилеем стали называть любую «круглую» дату. На Севере же, где год зачитывался, как полтора, юбилеи праздновали, начиная с пяти лет работы любого учреждения. Юбилею, по неписанному городскому протоколу мероприятий, обязательно посвящался концерт в Доме культуры. Во время этого концерта происходило публичное награждение ошачливленных круглой датой работников, а те, в свою очередь, демонстрировали достижения своей отрасли. Городскому образованию было чем похвастаться – ведь дети, обучающиеся в ДМШ, ДШИ и ДХШ, а так же других учреждениях дополнительного образования, были одни и те же, то есть воспитанники детских садов и учащиеся общеобразовательных школ. Поэтому про любую «звёздочку», обученную срывать бурные аплодисменты в городских учреждениях культуры, работники системы образования с гордостью могли сказать: «Это наш ребёнок!». Кроме того, существовала целая армия детей, занятых в детсадовских и школьных кружках. И хотя эти юные дарования заметно уступали детям обучающимся искусству в специализированных учебных заведениях, они являли собой некую «отдельную» гордость чиновников от образования, поскольку подтверждали их (начальников отделов инноваций и прочее) «ударный труд» по сеянию «разумного, доброго, вечного». Естественно, что выступление целого школьного хора на юбилейном концерте было поначалу воспринято руководством с большим энтузиазмом. Энтузиазм, правда, быстро иссяк после первых репетиций на большой сцене. Нет, дети пели хорошо, а учитель, хоть и занимался всю жизнь *общим* фортепиано, лихо сам аккомпанировал своим хористам на ДКовском рояле. Проблема утраты «веры в победы» городского образования заключалась в том, что акустика в зале не была приспособлена для хорового пения, и каждую группу хора требовалось «подзвучивать» двумя, а то и тремя микрофонами. Вынос и расстановка микрофонных стоек занимали какое-то время и ответственные за проведение мероприятия по ставшему традиционному чиновничьему опасению «кабы чего не вышло», сняли хоровой номер. Таким образом поставив жирный крест на двухлетней напряжённой работе хормейстера. Нужно сказать, что по той же «кабычегоневышелестской» причине не смог выступить и старший хор другой

общеобразовательной школы, которому требовалось вынести подставки для второго ряда поющих детей. Нет выступления – нет и результативности обучения. А ведь именно «результативность» является главной «священной коровой» всех последних образовательных реформ. «Высокой результативностью обучения» можно оправдать любое начинание, любой «вывих» инновационных педагогических технологий и, разумеется, любые финансовые затраты на их внедрение. Петюнин тут же «высказал недовольство» работой «Кантилены» и потребовал перепрофилировать хоровой кружок в студию сольного эстрадного вокала, рассчитывая достичь результативности если не уменьем, то хотя бы числом (вместо одного хорового номера директор уже видел множество поющих солистов). Поскольку дети, поющие в хоре, испытали самый настоящий остракизм со стороны более «успешных» школьников, обзывавших несостоявшихся хористов «лузерами» и «лохами», Андрей, понимая невозможность дальнейшего существования хоровой студии, согласился перепрофилировать своё детище. Перепрофилировал, но часы ему заметно урезали...

V

Занимаясь сольным вокалом, Соболев прекрасно понимал, что его дети никогда не смогут конкурировать с вокалистами из школы искусств. Туда, в студию эстрадно-джазового вокала, несколько лет ездила педагог-консультант из подмосковного Иванова. Курировавшая становление и развитие студии Татьяна Владимировна Охомуш, была настоящим асом вокальной педагогики. Она обучала авторской методике преподавателей и, главное, в свои приезды помогала подготовить конкурсные и концертные номера юных эстрадников. Конкурирующая студия в ДШИ по иронии судьбы была открыта в городе по инициативе самого Андрея.

Работая первый год в Ноябрьске, Соболев подрабатывал в аналогичной студии эстрадно-джазового вокала в ДК «Русь». Преподавал он там джазовое сольфеджио, одновременно и создавая саму методику, адаптированную к условиям почти самостоятельного обучения детей. Будучи от природы человеком любознательным, Андрей посещал занятия педагога-куратора и был восхищён работой Татьяны Владимировны, поразительным образом умеющей добиваться положительных результатов от каждого ребёнка на каждом уроке. Эстрадно-вокальные студии в ту пору открывались по всей Западной Сибири. Центр распространения самого востребованного в стране вида искусства находился в Москве. Руководил Системой Андрей Михайлович Билль – певец, успешно дебютировавший на первой «Юрмале», педагог и шоумен. Посещая раз в году «окучиваемые» северные города, Андрей Михайлович виртуозно и не безвозмездно проводил городские конкурсы юных талантов, одновременно ещё и возглавляя конкурсное жюри. Стоит ли говорить о том, что настоящий успех ожидал в основном юных вокалистов из «окоормляемых» Биллем студий? Естественно, что Соболев был представлен Андрею Михайловичу и рекомендован, как чуть ли не «светило» музыкально-теоретических дисциплин. В дальнейшем это знакомство стало главной причиной появления эстрадно-джазовой вокальной студии в Нефтеозёрске.

Дети постперестроечной России твёрдо уверены в том, что «наиглавнейшим видом искусства для нас является»... «попса». В этом их постоянно убеждают телевизионные каналы и радиостанции, «жёлтые» и слегка желтоватые газеты, интернетовские сайты и общий музыкальный фон современной жизни. Конечно же, большинство юных россиян мечтают стать успешными, только в свете софитов и именно с микрофоном в руках. А на

Севере желание детей - Закон для их довольно обеспеченных родителей. Появляется спрос, который по законам рынка рождает соответствующее предложение. Вот и в Нефтеозёрске стали появляться кружки в творческих центрах и при ДК, открывающие «северятам» манящие дали шоубизнеса.

Сменив место жительства, Андрей Владимирович Соболев очень быстро понял, что из крупниц эстрадно-вокальных знаний, «ухваченных» им в Ноябрьске, можно сварить неплохую «кашу». Так в его педагогической нагрузке появилось два часа «общего вокала», выделенные Киной Лазаревной, не желавшей пройти мимо современных тенденций музыкальной педагогики, в рамках «предмета по выбору». Маленький скрипач Женя Антонов и юная пианистка Юлия Дементьева – первые ученики Андрея, на ближайшем городском конкурсе «Восходящая звезда» отхватили призовые места, и открытие «биллевской» студии в Нефтеозёрске стало просто вопросом времени. Время, правда, почему-то не торопилось. Наимудрейшая Кира Лазаревна все инициативы, исходившие от Андрея, старалась блокировать, подозревая Соболева в желании «подсидеть» её в директорском кресле. Но вот однажды, будучи в Ноябрьске в составе жюри тамошнего конкурса (позвали по старой памяти), Андрей разговорился с традиционно возглавлявшим всё мероприятие Биллем. Столичный шоумен сам обратился к Соболеву с просьбой. «Андрей, я тебя прошу лоббировать мои интересы в Нефтеозёрске», - доверительно сказал, щуря близорукие глаза, по-юношески кудрявый Андрей Михайлович. «Я хочу, чтобы у вас открылась студия», - добавил он. Разумеется, Соболев выказал самое горячее желание сотрудничать. Имея поручение от самого Билля, Андрей смело (через голову Киры Лазаревны) вышел на начальника Управления культуры. И «лёд тронулся»! Через полгода Андрей Михайлович подписывал в Нефтеозёрске договор о предоставлении методик и консультационной помощи. Правда, студия была открыта не при доме культуры, как рассчитывал Андрей, тяготившийся мудрой диктатурой Киры Лазаревны Старченко и мечтавший тихо «соскочить» на новое место работы, не меняя, однако, профиля своей деятельности, а при детской школе искусств. Не зря, ох, не зря Старченко почиталась мудрым руководителем. В результате изящной «комбинации» директора ДШИ, Андрей был выведен из игры на последнем, решающем этапе подписания договора о сотрудничестве, и вот «образовательные услуги» на «столичном уровне» уже стало возможным оказывать в городе только благодаря незаменимой и прозорливой «бабушке» музыкального образования Нефтеозёрска. Андрей, честно говоря, был не столько раздосадован, сколько восхищён исходом дела – с такой изощрённой интригой ему ещё не приходилось сталкиваться. А Кира Лазаревна, ещё год назад всячески тормозившая и забалтывающая «соболевский проект», предстала перед родительской городской общественностью в качестве единственного «прогрессивно мыслящего руководителя». Правда (нет худа без добра), дети, благодаря новому статусу студии, получили возможность вполне легально проходить максимум учебных дисциплин за относительно небольшую родительскую оплату.

В максимальном количестве учебных предметов, проходившимся в эстрадно-джазовой студии ДШИ учащимися, и ежегодных приездах Татьяны Владимировны, как раз и заключалось неоспоримое преимущество будущих «звёзд» местных подмошков перед соискателями того же статуса, занимающимися в кружке при общеобразовательной школе. Нет, кружковцы пели те же упражнения и так же старались постичь науку правильного звукоизвлечения, но всё это было в гораздо меньших объёмах, да и полноценных индивидуальных занятий не получалось – по нормативам, принятым в образовании на половину педагогической ставки необходимо было обучать не менее

пятнадцати детей. На один час к Андрею приходило по двое-трое ребяташек, и это, как говорится, не способствовало. Так что призовые места для соболевских учеников были недостижимой мечтой – очень уж они проигрывали студийцам из ДШИ и в плане артистизма, и в области вокальной техники...

Петюнин стал настойчиво выражать сомнение в профессионализме педагога и в целесообразности работы кружка. Эти руководящие выпады не прибавляли Андрею здоровья (возникла опасность уменьшения педагогической нагрузки, а значит и зарплаты), тем более что они были не единственными претензиями, высказываемыми директором учителю музыки. Целая эпопея развернулась из-за нескольких троек и двоек в четверти, выставленных Андреем в воспитательных целях. «Вы «зарезали» с десятков «хорошистов!»», - эта «кровавая» фраза Тамары Васильевны открыла аттестационную эпопею. «Как можно ставить двойку по «Музыке?»», - возмущались некоторые педагоги. «ИЗО, «МУЗО», - презрительно цедил Петюнин, - «Эти двойки стали причиной «взбучки» в Управлении!»», - страдая, выговаривал директор учителю. Организаторы и руководители учебного процесса договорились до того, что о каждой текущей двойке Соболев должен был информировать Администрацию докладной запиской. Расчёт был прост – впрямую запретить ставить неудовлетворительные оценки директор и завучи не могли, так пусть упёртый правдоискатель от педагогики замучается писать докладные. Не рассчитали опытные виртуозы качественной и общей успеваемости. Каждый вечер завучи получали от Андрея подробнейшую, написанную от руки докладную записку с перечислением двоечников «нарисовавшихся» за день. В конце концов, пришлось подключить классных руководителей и те стали контролировать выполнение домашних заданий своими учениками, входящими в «группу риска» снижения веса ещё одной «священной коровы» Системы образования - Успеваемости. Мятежному учителю удалось доказать, что работать ученик должен не только на «Математике» или «Русской литературе», но и на предметах искусства. «Великий почин» был подхвачен почти всеми учителями ХЭЦа и дирекция, как говорил Михаил Зощенко «затаила в душе хамство»...

Соболев, пользуясь авторитетом «лучшего конферансье округа», считал себя вне досягаемости административных ревнителей школьно-административного «благочестия». Справедливо полагая, что оценка воспитывает не только того, кто её получает, но и весь класс, Андрей приучил и детей и учителей к тому, что «натянутых» троек, четвёрток и пятёрок по его предмету не может быть в принципе. Согласитесь, если кому-то медведь, «наступив на ухо», и покалечил музыкальный слух (вернее, координацию между слухом и голосом), то мышление и восприятие опасный для музыки зверь, как правило, не затрагивал. Нельзя ставить двойку за отсутствие музыкальных способностей, но за отсутствие домашнего задания, связанного как раз с восприятием музыки и образным мышлением, неудовлетворительную оценку учитель просто обязан выставить, пресекая тем самым «в корне» зарождающиеся «сорняки характера» лень и безответственность. Надо сказать, что Система, характеризующаяся, прежде всего, устойчивостью, не сдавалась. В младшей школе развернулся эксперимент по внедрению так называемой «безоценочной системы обучения предметам искусства», заключавшейся в том, что детям вместо оценок выставлялись некие символы. Всё это, конечно же, лицемерно оправдывалось «заботой о неокрепшей детской психике», которую якобы травмируют оценки, выставляемые «букой-учителем» за уровень одарённости в том или ином виде искусства. Правда, почему-то уровень математической, филологической и просто физической одарённости на уроках математики, родной речи и физкультуры оценивался в школе традиционным образом. Андрей и здесь не растерялся. Убедившись, что дети

сознательно скрывают смысл символов, заменяющих привычные оценки, от родителей, он стал вести «двойную бухгалтерию», выставляя в журнал символические аббревиатуры, а в дневники традиционные оценки, соответствующие нейтральным символам. Своё ноу-хау Соболев, по понятным причинам, не афишировал, а классные руководители коллегу не «сдавали», так как сами воспринимали безоценочный эксперимент с раздражением. Так бы и продолжалось это диалектическое единство и борьба школьных противоположностей, если бы не последний год, ставший для Андрея «годом неслужебных командировок».

VI

Учителей редко направляют в командировки. Курсы повышения квалификации руководство старается сегодня проводить непосредственно в городе, справедливо полагая, что лучше оплатить одному-двум специалистам проезд и проживание (плюс, разумеется, гонорар), чем выплачивать командировочные целому отряду, нуждающихся в заветной бумажке о прослушанных часах, педагогическим работникам. Редкие единицы вырываются среди учебного года на, проводимые в округе и области, «чтения» или вывозят детей на творческие конкурсы. Школьный командировочный фонд расходуют, в основном, директора и завучи, а так же лица приближённые к внутришкольному административному Олимпу. Андрей выезжал в другие города (для участия в концертах) за счёт приглашающей стороны. Поездку Соболева на российский вокальный конкурс полностью оплатили родители Юли Дементьевой, которую он к этому конкурсу готовил и, разумеется, должен был сопровождать свою ученицу. 2008-й год внёс свои коррективы в эту, не задевающую напрямую финансовые интересы родной школы, практику.

Владимир Андреевич Бузовский крепко держал все нити управления городом в своих руках. Мэр знал и помнил всё, что происходило в Нефтеозёрске за годы его «хождения во власть». Поскольку концертно-представительская деятельность Андрея, как говорится, «работала» на имидж города и его руководителя, Бузовский старался поддержать «лучшего конферансье» и морально и материально. Материальная поддержка, кстати, раздражала руководство образования, так как все премии, которые получал Андрей за подготовку и проведение особо важных для мэра мероприятий, ведущему начислялись из премиального фонда по месту работы, то есть в Управлении образования и непосредственно из школьного премиального фонда (таков закон). Соболеву стоило больших усилий выстроить схему оплаты своего «городского имиджмейкерства» в обход премиальных денег из школьного бюджета. Схему-то он выстроил, но «успешный менеджер» Петюнин как-то бросил на педсовете фразу: «Один человек сделает что-то на городском уровне, а премию ему платят из школьного фонда, отнимая деньги у всех работников школы...». Андрей сразу «просёк» - директор готовит общественное мнение не столько для поддержки его «борьбы» с нецелевым расходованием бюджетных средств, сколько для борьбы с неугодным учителем. О том, что премии, как правило, в школе получали «особо приближённые», руководящее лицо, разумеется, дальновидно умолчало. Это было, по сути, объявление «холодной войны». И опальный педагог стал «держателем уха востро». Правда, это не помогло, ибо власть в немилость непосредственного начальника равносильно попаданию в эпицентр урагана – если не спрятался, всё равно снесёт. Вот и снесло, потому что Судьба, казалось, испытывала Петюнинские запасы терпения и здравого ума.

Накануне нового 2008 года Владимир Андреевич Бузовский предложил послать Андрея на Московские «Рождественские чтения». Причины такого решения были

следующие – во-первых: все городские мероприятия, так или иначе связанные с Православием, готовил и проводил прихожанин городского Спасо-Преображенского собора и его же хоровой регент Андрей Соболев; во-вторых – год назад Андрей выступал на таких же региональных «чтениях» в Тюмени и его доклад запомнился организаторам. Подобные мероприятия имели статус «педагогических чтений», и ставили главной целью распространение опыта преподавания в светских школах предметов, так или иначе связанных с различными аспектами Православия. Инициатива участия Андрея в московских «чтениях» исходила лично от мэра и, естественно, возражений со стороны «православного конферансье» не последовало. Возражения имела отправляющая сторона – городское Управление образования. Обычно средства на внедрение школьного предмета «Основы Православной культуры» осваивал начальник инновационного отдела (был и такой в Управлении, появившийся сразу после предвыборных речей Преемника). Возражения свои управленцы, по понятным причинам, не озвучивали вслух. Воспользовавшись «путинским подарком» - новогодними каникулами, работники управления образования попросту «забыли» должным образом оформить отъезд учителя-«выскочки». Они-то забыли, но не забыл сам «выскочка». Как только отшумели первые дни святок, Соболев позвонил в Управление, чтобы узнать, как обстоят дела. «Никак», - отвечали ему. «Приказ о Вашей командировке не оформлен. Начальник Управления находится в командировке...», - продолжил равнодушный голос в трубке. Следующим номером, набранным Андреем, стал телефон кабинета Бузовского. «С новым годом и Рождеством Христовым», - приветствовал Соболев мэра. «Спасибо! Как там Ваша поездка? Готовы?», - сам перешёл к главной причине учительского звонка Владимир Андреевич. «Я опасаюсь, что поездка не состоится», - отвечал Андрей. «Не переживайте! А, впрочем, зайдите сегодня ко мне», - сказал мэр. Легко сказать «Не переживайте!». Как раз-то переживал Андрей по-настоящему – очень хотелось побывать на таком представительном форуме, а возможность внеочередного посещения любимых «Дома книги» и «Библиоглобуса» только подогревала волнение учителя.

При встрече Бузовский чуть раздражённо заметил Андрею, что он зря суетится – все распоряжения первого лица в городе выполняются беспрекословно. «Ладно, я сейчас позвоню в Управление», - поймав взволнованный взгляд посетителя, сказал Владимир Андреевич. Уже после начала телефонного разговора лицо мэра посуровело. Выслушав объяснения на противоположном конце провода, Бузовский ответил, да как! Это был ответ Зевса-громовержца, испепеляющий, к ужасу окружающих, ослушника. «Спасибо, что «подсутились!», - сказал, присутствующему при руководящем метании молний Соболеву, мэр. Андрей благодарно пожал протянутую начальственную десницу и покинул кабинет. Поездка на «Рождественские чтения» теперь была делом решённым. Правда, пришлось ещё поволноваться из-за даты отъезда, но это были уже сущие пустяки.

Ах, что же это была за поездка! Интереснейшие пленарные заседания и работа по секциям, новые знакомства и впечатления. Андрей даже ухитрился принять участие в риторической конференции, проходившей в это же время в московском педагогическом университете. А прощальный концерт в Кремлёвском Дворце? Три мужских хора грянули в финале на мотив «Прощания славянки» «Стань за Веру, Русская земля!», и весь пяти тысячный зал поднялся в едином порыве. У Андрея (что скрывать) навернулись на глаза слёзы. Казалось, ещё немного и с хором запоёт вся огромная православная Россия. В общем – это было настоящее чудо...

Чудеса, правда, уже другого рода, продолжились и в Нефтеозёрске. Уезжал Соболев, имея в кармане командировку от Управления, а вернувшись, выяснил, что приказ изменён

и оплачивает «московский вояж» школа. Стало понятно – неприятностей не избежать. Они и не замедлили себя ждать. Начальник управления, вызвав вопреки руководящей воле выскочившего в Москву учителя, явно дала понять Андрею, что, выполняя распоряжение мэра и всячески «стимулируя процесс», он «поимел нарыв на голову» от Управления. Правда, гнев слегка смягчился, когда Соболев представил подробный отчёт и привезённые педагогические «наработки» в области преподавания «Основ Православной культуры». И всё же, расставание было холодным и натянутым. В школе же, Петюнин, не смея осудить решение первого городского лица, тем не менее, дал Андрею понять, что все школьные командировки из-за «вояжа» остаются под большим вопросом. Более того, Соболева обязали на ближайшем педсовете публично отчитаться о проделанной в командировке работе. Поскольку учитель в Москве действительно работал, а не «приятно проводил время», публичный отчёт прошёл, как говорится, в тёплой, дружественной атмосфере...

VII

Казалось, всё «устаканилось». Но покой, как известно, нам только снится. В марте творчески активный Бузовский, являвшийся членом аж двух российских союзов писателей, сообщил Андрею о новой, теперь уже совместной поездке в Москву, где предстояла презентация новой книги Владимира Андреевича «Америка и Россия – глаза в глаза». Труд Бузовского рассказывал о двух провинциальных городах – российского Нефтеозёрска и американского Клэрмора, являющимися городами-побратимами. Сравнивая жизнь людей в родной и заокеанской провинции, автор смело комментировал исторические события, приводя интересные цифры и факты. Оригинально оформленная детскими рисунками книга, была переведена на английский язык и успешно продавалась в далёкой Америке. Презентация должна была проходить в здании Российского Фонда культуры и сопровождаться концертными номерами. Поскольку на мероприятие были приглашены работники американского посольства и делегация из Клэрмора, всё, что говорил ведущий, должно было почти синхронно переводиться на язык Хемингуэя и Джека Лондона. Дело осложнялось тем, что список приглашённых гостей, как всегда, находился в стадии формирования до самого начала презентации. Так что всё предусмотреть не удавалось, и Андрей, написав основу сценария, отдал его переводчику – учителю английского языка городского многопрофильного лицея Семёну Сорокину – грозненскому еврею, в глазах которого, казалось, смешались вековая печаль детей Сиона с гордым и хищным блеском очей сынов Кавказа. Переводчиком он, кстати, оказался великолепным, правда, Соболев сумел и его поставить в тупик, употребив в одном из текстов слово «стиляги». Оказалось, что оно непереводимо. Все «недоделки» сценария и его перевода решили устранять уже в Москве.

Несмотря на суету подготовительного периода, Андрей попросил заместителя Бузовского по социальной политике сделать эту самую политику в отношении конференсье более гибкой и оформить командировку, минуя городскую Систему образования. Сказано – сделано! Направлял Соболева на этот раз в Москву отдел молодёжной политики городской Администрации. Приятно, хотя бы по документам, почувствовать себя молодым, тем более, что поездка была непродолжительной – всего три дня. Да, три дня, но устали «молодые» участники и организаторы, словно «пахали» минимум неделю.

В Фонде культуры нефтеозёрская делегация не ударила в грязь лицом. Презентационная бригада «выдала на гора» вполне столичный набор, куда входили и

остроумный, лёгкий конферанс (с виртуозным переводом), и серьёзные речи серьёзных людей, и концертные номера – от вокала до классического балета (кроме юной балерины – лауреата всех мыслимых для семнадцатилетней девушки из провинции конкурсов, и такой же «именитой» вокалистки, Андрей пригласил выступить Юлю Дементьеву – бывшую свою ученицу, ныне московскую студентку). А «добили» московский бомонд выступления настоящих (не фанерных) звёзд – недавней выпускницы московской консерватории Ани Карханиной и легенды советско-болгарской эстрады Бисера Кирова. Книга Бузовского вызвала неподдельный интерес у собравшейся в зале публики. И пока в соседнем каминном зале шёл банкет, «виновник торжества», присев за рояль подписывал желающим книги. Крупный, как говорится, не обиженный телом, мэр-нефтяник за роялем выглядел монументально и, учитывая полное отсутствие музыкальных данных, довольно смешно. Книг явно не хватало.

Сменивший концертный сюртук на повседневную одежду, Андрей быстренько перекусил и даже успел пообщаться с Аней, часто выступавшей в их городе, и одним из писателей, а так же по совместительству отцом известного телеведущего Александра Гордона. Гарри Борисович, родившийся в Одессе, мгновенно отреагировал на одну из фраз Соболева, произнесённую им с неистребимыми интонациями города «у Чёрного моря». «Есть говор, который я слышу во сне...», - «с тех же интонаций» выдал одесский литератор, легко и изящно завязывая приятный для себя разговор. Андрей, окончивший Одесскую консерваторию, беседу «за город-герой» с удовольствием поддержал. Впечатлений от общения хватило надолго...

Вечером следующего дня в ноябрьском аэропорту Андрея встречала «Газель» управления культуры. Мысли о собственной значимости, уже было впавшего в эйфорию конферансье, опустила на землю Лариса Гладкова – штатный режиссёр ДК «Украина», максимально, правда, используемая в культурной жизни города в качестве исполнительницы популярных эстрадных песен. «Андрей Владимирович, быстрее садитесь! Нам ещё на репетицию завтрашнего мероприятия успеть надо...», - бодрой скороговоркой произнесла Лариса. В «Газель» кроме Андрея втащили свои вещи участницы московской презентации и концерта, а так же молодая симпатичная пара. «Это гости из Новоград-Волынского – украинского побратима Нефтеозёрска...», - представила землякам, через-чур легко для ямальского марта одетых молодых людей, Лариса. Гости оказались певцами, прилетевшими, чтобы принять участие в завтрашнем международном братании, называвшемся «Венок дружбы». Концерт, по замыслу организаторов, должен был символизировать открытость российской провинции международному общению. Международный уровень обеспечивали гости из Новоград-Волынска и клэрморская делегация, прилетевшая прямо с презентации новой книги Бузовского тем же рейсом, что и Андрей. Американцев, разумеется, везли в город не в «Газели»...

Поскольку презентационный вояж Соболева производился за счёт городской Администрации и занял всего три дня, явного неудовольствия школьное руководство не выказывало. Ситуация так бы и «спустилось на тормозах», но творческая и общественно-политическая активность мэра достигла в этом году своего пика. В мае, незадолго до конца учебного года, Соболев вновь выехал с Бузовским в Екатеринбург, теперь уже для участия в научной конференции, поводом для которой послужила ещё одна книга нестандартного градоначальника. Обсуждался нашумевший проект «единороссов» Уральского Федерального округа «Урал промышленный – Урал Полярный». Владимир Андреевич, проехав по местам воплощения амбициозных и, надо сказать, затратных планов самой массовой политической партии России, в новой книге поставил под вопрос размеры

реальной экономической отдачи проекта. Научная общественность Урала, приунывшая было за годы правления своего знаменитого земляка, возжаждала широкого обсуждения, как книги доктора экономических наук Бузовского, так и всего проекта «Урал промышленный – Урал Полярный». Мероприятие должно было происходить в Научной библиотеке УРФО.

Выехали на мэровском джипе. К ночи были в Тобольске, где предстояла высокая встреча с Архиепископом Димитрием, не только возглавлявшим епархию и духовную семинарию, но и проводившим научно-исследовательскую работу в области истории края и его демографических показателей. Владимир Андреевич задумал пообщаться с Владыкой в рамках читательской конференции, проводившейся в Тобольской семинарии.

Воскресное утро в древнем сибирском городе встретило Андрея ясной солнечной погодой. До конференции была уйма времени, и действующий регент церковного хора отправился в кафедральный собор на Литургию. Внутри храм напоминал собирающегося на работу холостяка, постаравшегося успеть позавтракать, одеться и решить ряд проблем одновременно. У одной из стен ещё стояли строительные леса, традиционные росписи на сводах отсутствовали, а иконостас лишь в центральной своей части являл чудо иконописного искусства. Чувствовалось, что после десятилетий своей музейной истории собор, словно тяжёлый больной, с трудом выздоравливал, всё ещё иллюстрируя своим обликом историю болезни.

Литургию служили чётко и слаженно. Мужской хор семинаристов звучал весьма прилично и Андрей, в который раз, со вздохом, помянул свой «трёхколёсный «Мерседес». Воспоминание тут же материализовалось в лице одной из певчих – Ларисы, сдававшей в Тобольске очередную сессию. «Здравствуйте, Андрей Владимирович! С воскресным днём!», - сказала Лариса, подойдя к Соболеву перед «Херувимской». «Здравствуй, Лариса! Как сессия?», - отвечал Андрей, стараясь максимально сократить разговор. «Сессия в норме! А Вы здесь, какими судьбами?», - в пол голоса продолжила беседу певчая-студентка. «Сам не знаю...», - улыбнувшись, ответил Соболев и переключил внимание на алтарь, где уже начиналось действие перенесения Святых Даров...

После Литургии состоялась конференционное братание тобольского клира и семинаристов с представителями науки и литературы. Владыка распорядился об обеде для путешествующих и пригласил гостей на экскурсию по тобольскому Кремлю. Осмотрев все достопримечательности, приложившись к мощам и отобедав в семинарской столовой, гости отправились в гостиницу – отдохнуть перед следующим дорожным этапом.

Вечером того же дня выехали в Екатеринбург и к утру уже подъезжали к уральской столице. Покружив по городу, разыскали здание научной библиотеки и сходу принялись разгружать машину, заполненную до отказа книгами Бузовского, оборудованием передвижной фотовыставки и, разумеется, высококачественным спиртным для фуршета «в рабочей обстановке». Библиотечный конференц-зал преображался прямо на глазах. Специальные стеллажи были уставлены книгами Владимира Андреевича, а вдоль рядов читальных столов выросла фотовыставка «Полярный Урал», которую сноровисто оформлял главный фотограф Нефтнозёрска Олесь Бушковский, неуловимо чем-то напоминавший гайдаевского Шурика. Оторвавшись от погрузочных работ, Андрей проверил звуковую аппаратуру. Оценив качество приборов, он лишней раз убедился, насколько сократилось финансирование фундаментальной и прикладной науки в России – с местными микрофонами даже думать не приходилось о вокале (Соболев хотел открыть обсуждение песней Павлиашвили «Россия» - замечательной, но, конечно же, менее раскрученной, чем озорной, ждущий любви «Грузин»). Мысленно погладив себя за

предусмотрительность по голове, «тёртый» конференсье достал диск с «плюсом», который записал в нефтеозёрской студии накануне. Вообще-то петь под «фанеру» было не совсем удобно, однако положение было безвыходное, так как привезённый с собой фирменный «шуровский» микрофон подключать было некуда. Оставалось только привести себя в порядок, и Андрей отправился в близлежащую гостиницу, чтобы распаковать концертный сюртук и немного отдохнуть.

В гостинице конференсье ожидал сюрприз. Оказалось, что забронирован был не обыкновенный номер, а роскошный люкс, оплата которого не была предусмотрена скромными командировочными, выданными в этот раз. Пришлось докладывать свои кровные, так как готовиться к выступлению было негде. Поднявшись в номер, Андрей выяснил, что костюм его безнадежно помялся в дороге. Отдав сюртук в срочную глажку, Соболев решил принять душ. В течении получаса постоялец люкса ждал появления горячей воды. Кран исправно работал, но истекающую из него жидкость вряд ли кто-нибудь мог идентифицировать как горячую воду. Позвонив дежурному администратору, командировочный конференсье выяснил, что в гостинице нет горячей воды в связи с плановыми работами на теплотрассе, а скидки в оплате номера в этом случае предусмотрены не были. Наскоро подбрав свою бородку и умывшись, Андрей, неся в руках отглаженный сюртук, помчался в библиотеку. До начала конференции оставалось сорок минут.

На мероприятии, слава богу, никаких сюрпризов не ожидалось. Хотя события развернулись по самому страстному из возможных сценариев. Воодушевлённые исполненной в начале патриотической песней, уральские учёные и писатели в пух и прах разнесли «распиаренный» партией власти проект освоения Полярного Урала. Сам автор книги о спорном начинании «единороссов», неожиданно для себя, явил собравшимся потоки гнева, вскрывая недостатки экономической политики последнего двадцатилетия и каясь в бездействии своего поколения. Почти митинговый накал конференции помогла смягчить екатеринбургская звезда русского романса, по счастливой случайности оказавшаяся женой известного уральского поэта, принимавшего участие в обсуждении книги Бузовского. Исполненные ею «жемчужины русской песенной классики» помогли мероприятию плавно перейти в неофициальную часть. Владимир Андреевич сел надписывать, припасённые заранее, книги, а большинство присутствующих, не прекращая обсуждение новой книги, а так же экономической и международной российской политики, принялись уничтожать алкогольные и съестные припасы, которые в мгновение ока разложили на столах приглашённые официанты. Для Андрея и Олеса Бушковского мероприятие закончилось с того же с чего и начиналось – погрузочными работами. В темпе разобрал стеллажи, упаковав фотовыставку и книги своего шефа, они до отказа загрузили багажное отделение джипа и отправились в гостиницу.

Ехать обратно решили сегодня же. Владимир Андреевич, правда, оставался, так как ночью вылетал в Санкт Петербург. После Питера писателю и учёному предстояло отправиться в Киев для участия в научной политологической конференции. Напомнив мэру о необходимости доставить в Нефтеозёрск необходимую для авансового отчёта гостиничную квитанцию, Андрей и Олесь, удобно расположившись в огромной служебной машине, отправились в обратный путь. Личный водитель Владимира Андреевича за рулём являл собой тип «испанского лётчика». Лихо, на скорости обгоняя машины классом пониже и фуры дальнобойщиков, он меньше чем за сутки, без приключений довёз «презентаторов» до дома.

В Нефтеозёрске Андрей быстро отчитался в бухгалтерии, пообещав через два дня принести гостиничную квитанцию из Екатеринбурга, которую должен был привезти, вернувшись из Киева, Бузовский и сдал командировочное удостоверение школьному кадровику, с головой окунулся в учительские хлопоты, предшествующие долгожданному отпуску.

Ничего не предвещало жизненных катаклизмов. Номенклатурная буря разразилась внезапно. В день отъезда в отпуск Андрею позвонила Таисия Васильевна – школьный специалист по кадровым вопросам. «Андрей Владимирович, директор не подписывает ваше командировочное удостоверение!», - сказала она, одновременно выразив в интонациях голоса своё отношение и к странному поведению Петюнина, и к судьбе «прессуемого» руководством учителя. «Причины?», - коротко спросил Соболев. «Шеф жаждет Вашего личного отчёта...», - отвечала Таисия Васильевна. «Сейчас прибегу!», - пообещал Андрей и засобиравшись на работу.

Разыскав в школе Таисию Васильевну, учитель попросил её присутствовать при разговоре с директором. Встретил посетителей Петюнин подчёркнуто сухо. Разговор напоминал поединок у теннисной сетки.

- Здравствуйте, Виталий Викторович! Какие проблемы возникли с моим командировочным?

- Добрый день. Я должен знать, чем Вы занимались в этой так называемой командировке.

- В приказе по Управлению чёрным по белому написано: «участие в читательских и научных конференциях»...

- Это в приказе. А что было на самом деле? Вы растратили школьные деньги!

- Извините, но я не мог их «растратить». Моя командировка абсолютно законна и решение о ней принято первым лицом города. Почему бы Вам, Виталий Викторович, не обратиться с Вашими вопросами и претензиями к самому Бузовскому?

- Я сам решаю к кому мне обращаться! Чем Вы занимались в командировке...?

Андрей понял, что разговор начинает «ходить по кругу». Создавалось впечатление, что Петюнин просто не слышит собеседника, словно находится на иной эфирной волне. Сидевшая в дальнем углу кабинета Таисия Васильевна, выразительно кашлянула. Учитель воспринял этот кашель, как сигнал к окончанию аудиенции.

- Ночью у меня поезд. Отчитаться и сдать документацию я должен сегодня. Сейчас я иду к Владимиру Андреевичу и обо всём ему рассказываю. Пусть он перед Вами отчитывается! – с наркомовской сталью в голосе сказал Андрей, и вышел из кабинета.

Пересекая школьный двор, пылающий праведным гневом учитель, услышал позывные своей старенькой «Моторолы». Мобильник наяривал финансово-песенный хит легендарного шведского квартета. «Слушаю!», - истекая остатками гнева в телефон, ответил Андрей. В трубке раздался бодрый голос Таисии Васильевны: «Возвращайтесь - всё подписано! Я Вас жду в своём кабинете...». Забрав с боем подписанное командировочное удостоверение, Соболев решил, что Бузовскому необязательно знать о конфликте. «Я человек доброй воли!», - мысленно процитировал победивший в номенклатурном бою конферансье фразу героя «Покровских ворот», - «К чему «стучать», когда поле боя и так за мной?». Сдав всю документацию в бухгалтерию Управления, Андрей вплотную занялся предотъездными хлопотами, радуясь, что конфликт рассосался. Если бы знать, что изощренная в интригах судьба готовила свою хитрую «многоходовку», где первая открытая ссора с Петюниным являлась лишь началом цепи испытаний.

VIII

Чем больше человек трудится на Крайнем Севере, тем короче с годами кажется ему очередной отпуск. Вот и в этот, наполненный нежелательными для Соболевского начальства командировками год, изобилующий встречами с родителями и друзьями, законный двухмесячный отдых пролетел незаметно. Экономя деньги, Соболевы летели на Ямал через Сургут, так как билеты до этого крупного города Ханты-Мансийского округа стоили дешево (авиакомпания проводила акцию). Полёт осуществлялся на стареньком «Боинге», у которого была странная манера взлёта и посадки, отличавшаяся какой-то нерусской стремительностью. Эти взлётно-посадочные «выбрыки» чуда заокеанского самолётостроения превращали набор высоты и снижение в аттракцион, вызывающий неприятные ощущения в области желудка и среднего уха. Потом, вспоминая все, предшествовавшие конфликту с Петюниным события, Андрей понял, что трудный путь к месту работы был своеобразным предупреждением. Предупреждением, которое, как всегда не было замечено. Да и как заметить едва различимые знаки свыше, когда нужно терпеть и преодолевать, возникающие сиюминутно, трудности и проблемы? А проблем в том августовском вояже хватало. Кроме иностранных взлётно-посадочных странностей «Боинга» Соболевы испытали ещё и все прелести «отечественного ненавязчивого сервиса». Прилетев ночью в Сургут, семья до утра не смогла выбраться из аэропорта, так как даже вездесущие таксисты в ханты-мансийском финансово-экономическом оазисе к ночным авиарейсам повышенного внимания не проявляли. Пришлось коротать ночь в зале ожидания, дожидаясь первого автобуса до железнодорожного вокзала. Ожидание скрашивало соседство живой компании людей, явно принадлежавших к творческому сословию. Группа мужчин, сидевших рядом в креслах, вызывала у Соболева смутные ощущения неявного знакомства. Приглядевшись к центральному в компании лицу, Соболев, не веря глазам, узнал одного из братьев Ливановых – представителей большой актёрской династии. Актёры (а это были именно они), чтобы скоротать время, принялись учить роли – видимо им предстояли съёмки в очередном телевизионном «мысле». Репетиция прерывалась звонками мобильного телефона Ливанова. Группу должны были встречать, но машина почему-то не пришла, и далёкий не спящий администратор выяснял судьбу, брошенных на произвол актёров.

Андрей, Ирина и дочка Настя старались максимально занять себя, чтобы скрасить ожидание утра и первого автобуса. Они по очереди прогуливались по огромному зданию аэропорта, играли в города и даже напевали песни из репертуара любимой группы «Billi's band», чем, наверно, очень удивляли соседей. Наконец, наступило долгожданное утро, и жена Андрея Ирина предложила выбраться на улицу, чтобы не прозевать автобус или маршрутку до железнодорожного вокзала – семье предстояло путешествие до Ноябрьска с последующим перемещением в Нефтеозёрск.

Утро в Сургуте было холодным – изо рта при разговоре шёл парок. На остановку стали подъезжать маршрутки и автобусы, но все они не шли на вокзал. Ожидание затягивалось и соболевское семейство сильно продрогло. Раздражённые долгим ожиданием, так и не дождавшись нужного автобуса, решили ехать с пересадкой. Заташив весьма объёмный багаж в салон, Соболевы наконец покинули «доставший» их за ночь аэропорт. При пересадке в другой маршрут Ирина, неся на плечах неподъёмный рюкзак

(ноты и методические пособия, а также купленная в прок «по дешёвке» одежда и обувь прилично весили), в спешке сильно ударила ногу на автобусных ступеньках. Андрей ничем не мог помочь своей хрупкой жене, так как сам с трудом затаскивал в автобус сорокакиллограммовый динозавристого вида чемодан, набитый книгами, нотными сборниками, обувью, видеокассетами и DVD. Добравшись до железнодорожного вокзала, Соболевы обнаружили на привокзальной площади пять (!) маршруток, следовавших по прямой из аэропорта до вождёленной железной дороги. Машины, словно козацкие телеги, стояли в круг, а водители были заняты неспешной, под хороший перекур, мужской беседой. Кляня сургутские порядки, Андрей, Ирина и Настя поднялись в здание вокзала.

На всём двухэтажном гулком пространстве сургутского «постоялого двора» не нашлось ни одного аптечного киоска или работающего медпункта, чтобы обработать сбитую до крови ногу Ирины. Купив в ларьке воду из холодильника, Андрей приложил холодную бутылку к ушибу, чтобы снять отёк. Но на этом испытания не закончились. Состав, на котором семье предстояло добираться до Ноябрьска, по извечному «закону подлости» подали не на первый, а на третий путь. Пришлось идти к поезду через пешеходный мост. О, этот сургутский мост был явно спроектирован и построен представителями таинственной расы гигантов. Ступени лестницы были настолько высоки, что даже налегке подъём по ним представлял определённую трудность. Что же говорить о преодолении этого препятствия с неподъёмными чемоданами и рюкзаками? Двигаться приходилось в темпе, так как проходящий поезд стоял всего пять минут, а диспетчер до последнего не объявлял на какой путь подадут состав. Взмыленные, словно владимирские тяжеловозы после скачек с рекордным грузом, Соболевы, наконец, очутились в плацкартном вагоне и, распахав кое-как свои многочисленные вещи, завалились спать. Путь до Ноябрьска занимал почти пять часов.

К вечеру, открыв двери своей квартиры, всё семейство было совершенно счастливо. Нефтеозёрская трёхкомнатная «деревяшка» давно стала настоящим домом, семейным гнездом, в отличии от квартиры в Чернигове, куда Соболевы заезжали, словно в пансионат, чтобы провести отпуск.

Новый учебный год явно начинался под звуки «Варшавянки». Суровое дыхание «вихрей враждебных» почувствовалось, как только дочь Соболевых переписала расписание уроков. Из еженедельных занятий их предпрофильного английского класса бесследно испарилось два часа иностранного языка. Нужно сказать, что в своё время этот класс открывался с большой помпой. Дети туда поступали на конкурсной основе, а с родителями в духе времени был заключён всесторонний договор. Программа изучения английского языка предусматривала шесть уроков в неделю и фактически соответствовала ВУзовской. Училась Настя хорошо. Обладая цепкой памятью и хорошим музыкальным слухом (в детстве, ещё не умея говорить, Соболева-младшая легко напевала все, звучащие вокруг, музыкальные темы), она без затруднений запоминала огромные тексты по каждой теме, легко воспроизводя странноватое для русского уха английское произношение. Как только отшумели праздничные мероприятия, Андрей и Ирина стали выяснять причины столь радикального сокращения основного в лингвистическом классе предмета. Выяснилось, что, опираясь на новые учебные планы, спущенные в этом году министерством, Петюнин сократил изучение английского языка, увеличив за его счёт изучение информатики. Естественно, всё было оформлено с чиновничьей основательностью – тут и санитарные нормы «работали» на директора, и новая «расчасовка», и, разумеется, с патетической нотой в голосе поминался «Приоритетный Национальный Проект». Правда, экзамен по иностранному языку в связи с сокращением

часов не отменялся и требования к экзаменуемым не смягчались. Несмотря на ежегодную сентябрьскую «расслабуху», очень быстро организовалась инициативная группа родителей, не желавших мириться с произволом «успешного менеджера». Найдя в договоре со школьной администрацией пункт об обязательном письменном предупреждении сторон о любых изменениях условий обучения детей, не до конца «затурканные» работой отцы и матери обратились к Петюнину с письменной просьбой вернуть исчезнувшие в «бюрократическом треугольнике» часы. Совершенно адекватная просьба инициативной группы, пришедшей на приём к директору школы, вызвала бурную реакцию руководителя. По путински играя желваками, Петюнин заявил, что письмо написано в оскорбительной форме, а родительская общественность ведёт себя непорядочно. Последнее утверждение возникло из-за того, что отец Яны Роговец во время беседы с Петюниным постоянно манипулировал мобильным телефоном (он был Главным инженером нефтезёрской нефтяной «фирмы» и ему постоянно сообщали о показателях добычи на разных участках территориального проекта). «Вы записываете наш разговор!», - чуть ли не навзрыд выкрикнул директор. «Нет», - отвечал Роговец, - «Я просто перевёл «мобильник» в виброрежим. Отключить его я не могу – мне постоянно звонят начальники цехов – я и в Вашем кабинете не прекращаю выполнять свои прямые обязанности!», - раздражённо заметил отец Яны. В общем, разговор не получился. Правда, письмо инициативная группа успела в установленном порядке зарегистрировать, так что нервный руководитель «образовательных услуг», согласно существующему порядку, должен был в месячный срок дать письменный ответ. Нужно сказать, что ушлый руководитель сразу же предпринял контрмеры. Ничего не зная об изменении учебных планов «классной», было приказано срочно собрать родителей взбунтовавшегося 9-А. Родительское собрание проходило в лучших традициях отечественного абсурда, именуемого нынче «манипуляцией сознанием». В начале Петюнин «коротенечко – минут на сорок» поговорил о задачах, которые «в свете последних решений» лидерского «дуэта» призвана решать отечественная Система образования вообще и возглавляемая им школа в частности. Вымучив, собравшихся после рабочего дня родителей, директор наконец-то перешёл к главному вопросу. «За счёт чего мы можем восстановить прежнее количество «английских» часов?», - вопрошал, слегка гундося, Петюнин. «Новые учебные планы позволяют это сделать только за счёт какого-то предмета...», - сам же отвечал «успешный менеджер». Далее директор стал описывать «образовательные ужасы», возможные при передаче в пользу английского языка часов по алгебре или информатике. Большинство родителей, бывшие, как говорится, «не в теме», поспешили заверить, что они никак не желают обделить своих детей базовыми предметами. Закрепляя манипуляционный успех, Петюнин уже было собрался ставить вопрос на голосование, но тут в бой вступила инициативная группа. «Почему, собственно, Вы собираетесь решать вопрос за счёт алгебры?», - спросила жена Андрея, которому корпоративная этика не позволяла участвовать в родительском споре с администрацией. «А что предлагаете Вы?», - раздражённо спросил Петюнин. Спокойно, будто всю жизнь только тем и занималась, что спорила с руководством, Ирина предложила восстановить «статус кво» за счёт часов по риторике и физкультуре. Что тут началось с директором! Он явно начал нервничать и повышать голос. «Почему именно за счёт риторики?!», - вопрошал руководитель. Невозмутимая Ирина отвечала, что предмет этот не обозначен в государственных учебных планах, но преподавался на протяжении всех лет обучения в качестве эксперимента, да и на уровне девятого класса можно вполне обойтись просто риторизацией учебной деятельности. «Правильно!», - неожиданно поддержал мятежную родительницу Петюнин.

«Почему вы все так настаиваете на учебных часах? Нужно расширить программу, включая туда освоение навыков общения, элементов географии и истории, а не просто учить грамматику...», - повернул разговор ушлый манипулятор. «Я прикажу педагогам, и они создадут специальный элективный курс. Надо всесторонне развивать наших ребятишек!», - дрогнув голосом, продолжал Петюнин. Часть родителей, очарованных искусителем, начала колебаться и одобрять, казалось бы, спонтанное решение руководителя. Но представители инициативной группы не дали увести разговор в сторону. В беседу вступила мама Иды Пузырёвой. «Безусловно, - сказала она, - Вы, Виталий Владимирович, опытный руководитель и педагог», - в полном соответствии с руководством Карнеги начала свою речь спокойная и невозмутимая Надежда Васильевна. «Однако выпускной экзамен детям предстоит сдавать именно по основным знаниям языка, а по этому мы, родители, заинтересованы в качественном изучении грамматики исключительно в прежнем объёме часов», - завершила свою мысль Надежда Васильевна. Тут же, словно в фуге, тему перехватила Ирина. «В конце концов, Вы обещали нам и нашим детям изучение языка именно в объёме шести часов в неделю. Так будьте же порядочными до конца и дайте учащимся доучиться год в соответствии со старыми учебными планами», - в том же спокойном тоне, что и мама Иды, подытожила требования родителей Ирина. С Петюниным вдруг началась истерика. «Что? Я непорядочен?!», - краснея лысиной, возопил директор. «Это оскорбление! Я привлеку Вас к суду!», - продолжал «истерить» руководитель. «Никто Вас не оскорблял», - отвечала Ирина, всё более успокаивающаяся, по мере усиления директорских эмоций. «Я лишь сказала, что нельзя быть порядочным на пятьдесят или семьдесят процентов. Порядочность – это стопроцентное человеческое качество. Вы с этим не согласны?», - улыбнувшись, «отбрила» директорский выпад жена Андрея. Поигрывая желваками, утративший инициативу шеф, предложил голосовать. При голосовании родители «А» класса разделились поровну – кто-то не хотел конфликтовать с начальством, кто-то, поняв, что его ребёнок явно не справляется с предпрофильной программой, вообще не был заинтересован в изучении языка. Собрание не принесло никаких результатов. Петюнин, подводя итоги, сказал, что в любом случае школьная администрация будет искать решение, устраивающее обе стороны. «Вы только из-за усиленных поисков не забудьте ответить на наше письмо!», - не удержавшись, поддела шефа Ирина.

Ровно за один день до истечения положенного по закону срока, встревоженные затянувшимся ожиданием, родители получили ответ. Петюнин в бессмертной манере русской бюрократии сообщал, что, руководствуясь в своей деятельности рядом законных и подзаконных актов, направляет все усилия на удовлетворение образовательных запросов «ребятишек». Так и не ответив на главный родительский вопрос «Когда вернут часы по английскому?», директор, тем не менее, в конце своего послания выразил уверенность в дальнейшем плодотворном сотрудничестве с родительской общественностью. Стоит ли говорить, что последняя фраза звучала, как откровенная издёвка?

На следующий день инициативная группа уже сидела в кабинете начальника управления образования, имея на руках новое письмо с приложенными к нему ксерокопиями родительского договора и директорского письма. В связи с отъездом в командировку руководителя всех образовательных успехов, делегацию принимала первый заместитель главного педагога Нефтеозёрска. В типичной, лишённой малейшего присутствия живого чувства, манере путинской бюрократии она попросила родителей отбросить эмоции и обратиться строго к фактам. Слегка опешившие от такого приёма, участники инициативной группы по возможности сухо изложили суть конфликта. «Мы

создадим комиссию и обязательно разберёмся.», - пообещала чиновница. Родители тяжело вздохнули – опять нужно было ждать положенный по закону месяц. Месяц, на протяжении которого дети продолжали изучать предмет в урезанном Петюниным варианте.

IX

Проверка, затеянная управлением, подтвердила родительские претензии к директору школы. Безусловно, любой нынешний руководитель мечтает воплотить в жизнь неумирающий принцип местничества «разделяй и властвуй», правда, сегодняшняя жизнь внесла в эту универсальную формулу управления весьма существенное уточнение – «в пределах существующего законодательства». Петюнин попросту забыл о договоре с родителями (кстати, вот вам и цена всех реформаторских нововведений в школе) и этот директорский просчёт свёл на нет все усилия Виталия Владимировича по выстраиванию сложной «многоходовки». Комбинации, где девятый «А» был лишь звеном цепи руководящей интриги, имеющей целью перераспределение учебной нагрузки в пользу «своих» учителей, может и не слишком обременяющих учеников знаниями, но активно выказывающих свою преданность руководству.

Выводы комиссии, проверявшей школу, были категоричными – вернуть хотя бы один час, обделённым директорским произволом учащимся. О решении управления образования родители были извещены соответствующим письмом. Инициативная группа возликовала. Однако радость родителей была преждевременной – Петюнин, как говорится, «закусил удила». Его «ответный ход» был выдержан в духе финальной фразы чиновника-телеграфиста из «Бесприданницы»: «Так не доставайся же ты никому!». «Украденный» урок директор «вернул», но «вернул» в статусе факультатива. А это означало, что на это час учителям нужно было написать новую программу (исключающую дублиаж основной) и проводить занятия они имели право только лишь во внеурочное время, то есть спустя час после окончания учебного дня. Нужно ли говорить, что после уроков большинство детей спешило в спортивные секции и «учреждения дополнительного образования»? Понятно, что посещаемый кое-как факультатив очень скоро можно было объявить «не пользующейся спросом образовательной услугой» и тихо похоронить «пиррову победу» родителей. Встревоженные «правозащитники от образования» вновь ринулись в петюнинский кабинет. Не скрывающий торжества директор, поздравил инициативную группу с «благополучным» разрешением конфликта, сказав при этом, что окончательно вопрос будет решён на ближайшем педсовете, где, согласно закону «Об образовании», могут присутствовать и представители родительской общественности. Так и не поняв, зачем предписание вышестоящей организации обсуждать на ежеквартальном педагогическом форуме, родители расстроенные покинули школьную «капитанскую рубку».

Придя домой, Ирина рассказала Андрею обо всём, происходившем в директорском кабинете. «Я обязательно пойду на ваш педсовет!», - решительно заявила хрупкая женщина, а блеск её глаз и решительная складка между бровей не сулили Петюнину ничего хорошего. «Но сурово брови мы насупим...», - пропел в ответ Андрей, отрываясь от проверки очередных контрольных работ, так до конца и не воспринявший всю эту «эпопею» с часами по английскому языку всерьёз...

Накануне очередного школьного педагогического форума Андрей и Ирина заметно волновались. Опыт общения с разными представителями многоликой клики «руководителей среднего звена» подсказывал, что на этот раз упёртый земляк великого доктора Илизарова приготовил «хитрую хитрость». По окончании, как всегда суматошной

и чуть бестолковой первой четверти в вечно холодном актовом зале был собран педсовет. Супруги Соболевы заняли места поодаль друг от друга. Андрей из соображений корпоративной этики хотел остаться «над схваткой». Действительно – он учитель, работающий в школе, а жена – мать, отстаивающая интересы и права своего ребёнка. В преддверии нового раунда затянувшегося поединка во имя школьной справедливости Андрея и Ирину слегка лихорадило.

Решительной походкой, как бы на ходу выпрыгивая из пиджака, в зал вошёл директор. Чувствовалось, что Виталий Владимирович тщательно подготовился к предстоящей баталии. Широко улыбаясь, Петюнин начал педсовет. «Уважаемые коллеги, согласно «Закону Российской Федерации об Образовании» в работе педагогического совета могут принимать участие и родители наших ребятишек...», - сцепив перед собой руки, вещал руководитель. «Сегодня желание участвовать в нашей работе изъявила мать ученицы девятого «А» класса Анастасии Соболевой...», - продолжал, нажимая на слово «нашей», Петюнин. По залу прошелестел недовольный ропот в большинстве своём ничего не знавших о конфликте учителей. «Кто за присутствие на педсовете Ирины Владимировны Соболевой, прошу поднять руки!», - осеняя зал широкой демократической улыбкой, закончил директор. Недоумённо пожимая плечами, народ проголосовал «за». Андрей и Ирина переглянулись. Действительно, если закон даёт родителям право участвовать в педсовете, зачем выносить реализацию этого права на голосование? Тут чувствовался какой-то подвох. Петюнин тем временем бегло описал ситуацию и предложил выслушать мнение «законного представителя ребёнка». Встав, Ирина изложила мнение родителей о странном сокращении часов, отведённых на изучение английского языка в классе предпрофильной подготовки учащихся. Директор тут же уточнил, что это мнение лишь половины родителей класса. «Половины родителей сильных учащихся!», - отвечала раскрасневшаяся жена Андрея. «А остальные, что ли не люди?», - раздался с места голос одной из педагогинь. «Разумеется, люди!», - вежливо отвечала Ирина, - «Но, они знали куда шли, ведь все дети попали в класс на конкурсной основе...». Далее, разбуженное первой учительской репликой, корпоративное чувство подняло волну негодования. Собравшихся на педсовет учителей возмущала не суть вопроса, а факт вмешательства родителей во внутренние дела школы. Учтывая, что средний возраст работников школы равнялся сорока-пятидесяти годам, педагогическое негодование было понятно – большинство заседающих учителей все постперестроечные годы накапливали глухое раздражение по поводу проводимой над отечественной школой вивисекции. Присутствие на педсовете родительницы в качестве соработника, а не вызванной «на ковёр» ответчицы, заслоняло все детали непростого и запутанного конфликта между директором и родительской общественностью. Андрею стало понятно желание Петюнина вынести спор на педсовет – опытный интриган, он заранее рассчитал «эффект педагогического возмущения» и, словно умелый дирижёр, управлял разноголосым хором подчиненных.

Плюнув на нейтралитет, Соболев взял слово – жену нужно было защищать. Слова школьного музыканта утонули в недовольном гуле учительских голосов. Потирая руки, директор предложил вынести вопрос о статусе «возвращённого с барского плеча» часа на голосование. «Кто за то, чтобы спорный час по английскому языку предоставить учащимся девятого «А» в качестве факультатива?», - повёл педсовет по нужному руслу Петюнин. «Большинство!», - с удовольствием констатировал директор. «Кто «против?», - продолжал буквально на глазах расцветающий директор. Андрей и Ирина обречённо подняли руки. Чуть помедлив, к ним присоединились учителя английского языка. «Кто

воздержался?», - завершая обряд, спросил Виталий Владимирович и удовлетворённо улыбаясь, поднял руку...

Неискушённые в борениях с руководством люди склонны искать защиту от начальственного произвола в вышестоящих организациях и соответствующих «органах». Наскоро написав заявление на имя начальника всех школ и педагогов Нефтеозёрска, инициативная группа ринулась в Управление образования. «Мы с вашим директором ничего не можем поделаться!», прочитав очередную родительскую жалобу, печально ответил один из многочисленных замов крупного руководителя (начальник опять находился в командировке). У вас остаётся последний ход – прокуратура...

В прокуратуру, с одним только названием, которой были связаны не самые лучшие ассоциации, родители идти не были готовы. Решили подождать ещё два дня и, если ничего в поведении Петюнина не изменится, обращаться в прокуратуру. Естественно, зарвавшийся менеджер и не думал менять своё «соломоново» решение, как бы и возвращавшее один час предпрофильной подготовки, но в то же время, реально лишавшее детей одного часа английского языка. Вновь Ирина бросилась собирать подписи, теперь уже в письме на имя городского прокурора. Опыта общения с надзирающими за исполнением Закона органами, у изрядно потрёпанной в борьбе за права ребёнка матери-музыковедки, не было. По этому, просто собрав подписи, Ирина ринулась в свежееотремонтированное здание городской прокуратуры. Уже в прокурорской приёмной выяснилось, что каждая подпись в заявлении должна была сопровождаться адресом заявителя. Решив, что новый сбор данных займёт ещё сутки, встревоженная мать, написала против своей фамилии адрес и паспортные данные и сдала коллективное письмо фактически от своего имени. В дальнейшем это имело роковые последствия для семьи Соболевых, но не будем забегать вперёд...

Нужно сказать, что Нефтеозёск был довольно законопослушный город, и правонарушения в нём носили уголовно-бытовой уклон. Весь аппарат городской прокуратуры явно изнывал от засилья «бытовухи», лишённый возможности по-киношному эффектных расследований так называемых «резонансных» преступлений. Родительское заявление явно вносило разнообразие в рутинно-устоявшуюся жизнь «людей в синих мундирах». Очень быстро и даже лихо представители прокуратуры объяснили Петюнину неправомочность его действий и в законном порядке заставили упрямого, как мальчишка, директора вернуть в расписание 9-А злосчастный час английского языка.

Казалось бы, на этом инцидент был исчерпан. Так сказать, на лицо явление хеппи-энда, с величаво-фанфарным торжеством законности и справедливости (правда, в несколько урезанном виде – ведь изначально речь шла о двух часах предпрофильной подготовки). Но, уязвлённая административная гордость директора взывала к мести, и Петюнин «припрятал камень за пазухой»...

Х

Кто-то из политических деятелей прошлого как-то высказался в том духе, что «месть – это блюдо, которым следует наслаждаться в холодном виде». Крылатое выражение для Андрея оказалось верным и в прямом и в переносном смысле. Только в роли гурманамстителя выступал не он, а «успешный менеджер»...

Промелькнула предновогодняя и самая короткая в учебном году вторая четверть. Отшумели, салютующие фейерверками, новогодние и рождественские дни.

«Трёхколёсный «Мерседес» с честью выдержал испытание праздничной всенощной, исполнив новую «Милость мира», написанную регентом специально к Рождеству. Спокойно и неторопливо началась третья, бесконечно тянущаяся четверть. Ничего не предвещало бурных событий. Наоборот, природа, как бы заботясь об учителях, выдала в феврале ряд дней с предельно низкими температурами. С утра, едва открыв глаза, все – и дети, и учителя, включали телевизор на канале местного вещания, где сообщалось об «актировках», то есть отмене занятий по погодным условиям. Север – суровый, но справедливый, давал возможность отдыха, как детям, так и их наставникам. Именно морозным февральским днём, остывшее и затаённое в петюнинской душе, чувство мести нашло свой выход.

В этот злополучный день учились только старшие классы. Андрей, взявший благодаря Деду Морозу небольшой тайм-аут, проведя первые уроки в восьмых классах, отправился домой и, пользуясь случаем, пораньше начал одну из двух еженедельных тренировок (благо и штанга, и стойки с жимовой лавочкой имелись дома). В самый разгар тяжёлых упражнений на дельтовидные мышцы из школы вернулась Настя. Андрей, выйдя встречать дочь в прихожую, сразу почуял неладное – до конца уроков ещё было два часа, а глаза ребёнка представляли собой причудливый коллаж из размазанной и замёрзшей на почти сорокоградусном морозе туши (родители уже разрешали Насте слегка пользоваться косметикой) и покрасневших от слёз белков.

- Ну, что случилось? Почему раньше времени домой?,- иронично спросил, только что оторвавшийся от штанги, отец.

- Это всё Винцевский..., - разрыдавшись, сказала дочь, - Он вытер в столовой об меня руки! Представляешь?! При всех! А потом ещё и двинул меня по голове! А все стояли и смеялись..., - продавливая слова сквозь спазмы, выдавала информацию Настя.

- Я сначала искала тебя. Потом меня отпустили. Как я после этого могла учиться?! - завершила сквозь слёзы свой короткий рассказ жертва школьного беспредела.

-Так, - спросил вмиг посуровевший отец, - Винцевский в школе?

- Да, - отвечала Настя, - у них ещё два урока...

Наскоро, накинув прямо на спортивную форму куртку, ощущая в себе гневный «девятый вал», Соболев ринулся в школу, переполненный желанием покарать мерзавца, как говорится, «по горячим следам».

Винцевского учитель музыки знал «как облупленного». Учился он в младшей школе в одном классе с Анастасией, а потом так и застрял в самом непрестижном ученическом коллективе, обозначенном литерой «В». «С младых ногтей» носитель звучной польской фамилии отличался тяжёлым характером. А уж учительской крови Виталий «попил» за время обучения немерянно. В старших классах юноша усвоил манеру поведения бывалого «пахана» - не говорил, а цедил слова, не общался с одноклассниками, а, будучи самым крупным и сильным в классе, попросту помыкал ими. Андрей, как педагог прекрасно понимал, чем может закончиться подобный стиль жизни – заигравшись в «зону», очень многие подростки, не успев оглянуться, там и оказывались. Своими опасениями учитель делился с матерью Виталия, благо её не нужно было специально вызывать в школу, так как она работала там же учителем начальных классов. Мать-педагог на замечания коллеги реагировала однозначно. «У Виталика трудный характер. С ним нужно искать общий язык, особый подход!», - чуть нараспев говорила Нина Анатольевна, обнаруживая неплохие вокальные данные. Нужно сказать, что «подход» так и не был найден педагогической общественностью, а Андрей, вычитав курс музыки в восьмом «В», вздохнул с облегчением...

В кабинете, где занимался «В»-класс Виталия не оказалось. «Отыскался след винцевский» в спортивном зале, где группа крепких старшеклассников готовилась к участию в окружной спартакиаде. «Пойдём, поговорим», - сдерживая гнев, сказал Андрей, на две головы возвышавшемуся над ним парню. Отведя верзилу к актовому залу, разъярённый отец в полголоса, сквозь сжатые зубы сказал тёжке директора: «Если ты ещё раз только подойдёшь к Насте, я тебя сделаю инвалидом!». На что тинэйджер баскетбольного роста, глядя с верху вниз на учителя, развязано отвечал: «А я не вытирал руки об Вашу Настю! Ничего не было...». «Ах, ты подонок! - взревел, забывший об осторожности отец и учитель, - умей за свои поступки отвечать!». С этими словами, отключив, но как оказалось, не до конца «автоматическую защиту», Андрей в пол силы двинул акселерата в солнечное сплетение, одновременно завершая воспитательную меру ударом в пах. «Ты понял, гад?! Будешь в школу не ходить, а ездить!», - завершил воспитательный момент Соболев. Подёрнувшиеся влагой глаза Винцевского явно показали, что информация им усвоена с первого раза. Могучий баритон «пеника» гулко разносился в пустых коридорах школы. На шум вышли из спортзала учителя физкультуры.

- Андрей, что случилось?,- участливо, наклоняясь к побелевшему от гнева Соболеву, спросила, крупня, похожая на легендарную валькирию, учительница физкультуры.

- Случилось то, что этот подонок оскорбил и ударил мою дочь! - отвечал Андрей.

- А теперь я иду к твоей матери и расскажу ей, какой у неё замечательный сын... - продолжил, обращаясь к «виновнику торжества», отец-мститель, покидая «зону конфликта».

Вернувшись домой, Андрей, как ни в чём не бывало, продолжил тренировку. Настя, узнав о возмездии, настигшем юного хама, немного успокоилась. А вот сын, всегда осторожный и осмотрительный, выразил сомнения по поводу «воспитательных мер» своего темпераментного родителя. Прибежавшая из школы искусств на обед Ирина, выслушала известие о школьном конфликте и, «кипя возмущённым разумом», ринулась в школу поговорить с завучем и классным руководителем. К тому моменту ни Винцевского, ни его педагогически образованной матери в школе не было. Оказалось, что безобразную сцену видела и Ида Семёновна (тихонько доживавшая до пенсии «классная»), и некоторые работники столовой. В беседе с завучем Ира настаивала на публичных извинениях, но разговор закончился ничем. Казалось, конфликт был исчерпан, но не тут-то было!

Телефонный звонок Насти застал Соболева в ДК, где он в очередной раз что-то утрясал по сценарию одного из предстоящих мероприятий.

В город приезжал вновь назначенный консул обретшей во второй (оранжевый) раз независимость Украины. Встречу официального лица с земляками Бузовский хотел обставить в духе народного братания, разумеется, по утверждённому сценарию. Музыкально-творческую сторону предстоящей встречи и обсуждал с работниками дома культуры, носящего славное имя, увязшей в боях за «незалежність», новой «европейській» державы.

Нажав кнопку ответа на давно вышедшей из моды, но хорошо сохранившейся «Мотороле», Андрей услышал в трубке растерянный голос дочери:

- Папа, нас вызывают в милицию!

- Для чего?

- Говорят, что на тебя и меня Винцевские написали заявление...

- Одевайся и выходи. Я сейчас приеду на такси и тем же рейсом - в милицию. Адрес сказали?

- Да, возле школы искусств...

Бросив все дела, Андрей вызвал такси, услуги которого в Нефтеозёрске стоили сущие пустяки, и ринулся домой. Настя уже одетая ждала на крыльце. Выезжая со двора, встретили возвращающуюся с работы Ирину. Попросив водителя притормозить, Соболев «успокоил» жену: «Ирчик, не волнуйся! Мы с Настей в милицию. На нас «заяву» накатали...», - опустив стекло, быстро сказал Андрей, и машина, хрустя слежавшимся снегом, выехала со двора...

В отделении милиции всё очень быстро разъяснилось. Мать Винцевского написала заявление об избиении, а сам неудавшийся джентльмен дал разъяснения, в том духе, что, дескать, конфликт был инициирован Настей, которая не только ударила ногой беспомощного верзилу, но и оговорила несовершеннолетнего Виталия, фактически сделав из него преступника. В общем, вырисовывалась ясная картина – ребёнок и его мать просили привлечь к уголовной ответственности распоясавшуюся криминальную семейку.

Молодой капитан, сочувственно улыбаясь, рассказал, что Нина Дмитриевна вошла в отделение со словами: «А что, Соболев ещё заявление не писал?». У Андрея, как говорится, и в мыслях не было обращаться в милицию – одно дело поставить хама на место, и совсем другое – ломать парню жизнь, реально подводя его под, пусть и условное, но уголовное наказание (Настя жаловалась на тошноту и головокружение, что говорило о достаточно серьёзной травме). «Петюнин, гад!», - озарило борца с административным беспределом. «Он узнал о конфликте и убедил Винцевскую в том, что я побегу в милицию и посажу «сыночку»...», - картина управленческой мести складывалась почти мгновенно. «Вот оно – старца проклятие!», - прозвучал внутри голос вердиевского шута-неудачника.

- И что же нам делать? - побледнев, спросил Андрей.

- Пишите встречное заявление, - отвечал капитан, - а я дам вам с дочерью направление на официальное освидетельствование у судмедэксперта.

Так и сделали. Правда, Андрею пришлось давать официальные объяснения. Ключевым (как в любимой повести Юрия Полякова) стало слово «Клевета». А что было делать? Учитель, поднявший руку на ребёнка (хоть этот «ребёнок» был на полторы головы выше педагога-силовика, а руки имел огромные, как совковые лопаты) мог сесть всерьёз и надолго...

XI

Встретились враги-коллеги утром у кабинета врача судебно-медицинской экспертизы. Мороз в этот день достиг своего пика. С утра градусник показывал -45. Врач принимал пострадавших в здании городской больницы, находящейся на краю городка. Андрей и Настя, встав пораньше и вызвав такси, были первыми. Винцевские подъехали позже. Противоборствующие стороны демонстративно игнорировали правила этикета, и друг друга не приветствовали. Врач, профессионально спокойный мужчина средних лет, выяснил обстоятельства получения травмы и осмотрел ребёнка. Осмотр был неутешительным в плане Настиного здоровья, но предположительный диагноз внушал надежду на благополучный исход дела. Не проявляя эмоций (хотя история, рассказанная Настей, явно «зацепила» доктора), судмедэксперт выписал направление в поликлинику. «Диагноз обязательно запишите в карточку и пролечитесь. И чтобы всё было зафиксировано – болезнь, лечение, выздоровление!», - посоветовал врач, и на мгновение Андрей увидел в его, повидавших не мало симулянтов, глазах неподдельное участие нормального человека.

Медицинской карточки, необходимой для посещения врача в поликлинике у отца и дочери с собой не было. Пришлось разделить. Настя на такси отправилась домой за документом, а Соболев, перебежками от магазина к магазину, двинулся в поликлинику – занимать очередь к травматологу.

Дежурным травматологом в тот день был хороший знакомый Андрея. Врач-хирург, постоянный участник конкурсов самодеятельного творчества. В маленьком Нефтеозёрске никакими жизнеполагающими руководящими документами существование филармонии не было предусмотрено. А вот различные мероприятия шли, не прекращаясь, круглый год. День города и День нефтяника (как правило, объединённые в один праздник), День учителя и День энергетика, День матери и Международный женский день, День защитника Отечества и День Победы, концерты, приуроченные к различным большим религиозным праздникам обеих конфессий, и всевозможные конференции с концертными дивертисментами, казалось, не успевали сменять друг друга на единственной большой сцене города в ДК – очага культуры, носящего имя одной из братских республик, ставшей ныне символом вывихнутого национализма и политической неразберихи. Городское руководство «полюбляло» свежие проявления творческого начала руководимых им (начальством) жителей. Поэтому педагоги музыкальной школы и школы искусств, а так же их воспитанники просто не успевали «выпекать» свежие образцы зрелищного «хлеба». Сотрудники, построенного украинскими строителями, очага культуры тоже не «сидели сложа руки». Режиссёры и руководители кружков, заместители директора и сама директриса пели, танцевали и выводили на сцену своих воспитанников. Однако культурный конвейер Нефтеозёрска постоянно испытывал дефицит новых и оригинальных концертных номеров. Выручали, «запарившихся» работников культуры, самодеятельные артисты и профессионалы, ушедшие на поиски большей зарплаты в «нефтянку» и милицию, но продолжавшие и там реализацию своих основных талантов. Смотр самодеятельных певцов, танцоров и шоуменов проводился раз в году. Именно там, отбирались будущие номера грядущих концертов и мероприятий, ну а в роли ведущего часто выступал бессменный конферансье Нефтеозёрска Андрей Соболев.

Константин Аркадьевич Сивак пел небольшим, но приятным тенором лирические песни. И, хотя его никогда не брали в большие праздничные программы, не было ни одного конкурса, который бы он пропустил. Видимо, как истинного любителя, Сивака интересовал не результат, а сам процесс исполнительства. Поющий доктор всегда раскланивался с Андреем в городе и храме. Приятность знакомства усиливал факт обучения внучки хирурга-вокалиста в школе, где преподавал музыку Соболев.

Увидав в дверях кабинета Андрея с Настей, Сивак, широко улыбаясь, приветствовал посетителей, принятой между ним и Соболевым формулой:

- Категорически! - протенорил врач.

- Всячески! – в тон ему невесело отбаритонил Андрей.

Когда же доктор узнал, что привело к нему в кабинет конферирующего педагога и его дочь, широкая улыбка на его лице сменилась выражением крайней озабоченности. Прделав над Настей все необходимые манипуляции, Константин Аркадьевич поставил предварительный диагноз – сотрясение мозга.

- Срочно к специалистам! – почти приказал Сивак, - Настя ещё в детской поликлинике?

- Да! – не сговариваясь, вместе отвечала «пострадавшая сторона».

Теперь отцу и дочери предстояло отправиться на приём к невропатологу и окулисту в поликлинику, предназначенную исключительно подрастающему поколению. Вновь

вызвали такси и, сквозь морозный туман рванули продолжать летопись в медицинской карточке...

Детская поликлиника, несмотря на мороз, как всегда встретила отца и дочь заполненными до отказа коридорами и надрывным младенческим плачем. На «несчастное счастье» семьи Соболевых возле кабинетов невропатолога и окулиста народа почти не было. Врачи, выслушав «простую, бесхитростную историю», уже в десятый раз за утро рассказанную Андреем, и осмотрев Настю, подтвердили диагноз. К часу дня экспертно-медицинские мытарства закончились. По дороге домой купили в аптеке все необходимые лекарства. Процесс исцеления начался. Работа милиции по заявлению Винцевской тоже.

Позже, когда «конфликт стал достоянием школьно-педагогической общественности», до Андрея дошла фраза, брошенная после визита в судебно-медицинскую экспертизу мать «пострадавшего» девятиклассника. «Конечно, у Соболева такие связи! Он всех врачей купил!», - заявила, ринувшаяся в море юриспруденции мамаша. Правда, «связи» были. Доброе отношение многих в городе было обусловлено тем, что поющий конференсье вел шумные корпоративы, а так же концерты, посвящённые профессиональным праздникам. Очень тепло к нему относились и врачи, исповедующие Православие, радуясь, что большие церковные праздники не остаются без приличного богослужебного пения. После празднования двадцатипятилетия городской больницы появилась ещё одна прочная «связь» Андрея с нефтеозёрскими «людьми в белых халатах» - им была написана песня о врачах...

Как выяснилось накануне юбилея, в стране гимном медицинских работников вот уже почти пятьдесят лет является песня, ставшая классикой жанра – «Люди в белых халатах». Замечательное произведение Эдуарда Колмановского и Льва Ошанина оказалось, чуть ли не единственным «серьёзным» опусом, написанным о медицинской профессии. Учитывая, что каждый северянин, прожив в Приполярье лет эдак семь-восемь, вольно или невольно обретал статус пациента, работники культуры хотели сделать юбилейные мероприятия медиков яркими и запоминающимися. Нужна была новая, как говорится, «свежая» песня. В поисках «медицинского хита» перерыли весь Интернет. Выяснилось, что сами врачи о себе в патетическом ключе не говорят, предпочитая освещать будни и праздники отечественной медицины в пародиях и музыкальных шутках. Нашли песню поющего доктора из Петербурга, но она носила откровенно лирический характер. Руководство городского управления культуры жаждало пафоса. В поисках «музыкального полотна» обратились к Андрею. Обращались, учитывая постоянную учебно-религиозную занятость Соболева, по телефону. «Андрей Владимирович, Вы пишете стихи, песни сочиняете – сочините что-нибудь о врачах...», - умоляюще взывала директор дома культуры Светлана Петровна. И Андрей сдался – в конце концов, он тоже был пациентом!

Очень быстро появились первые строки:

Если боль не даёт дышать,
Если сердце устало биться,
Смогут в жизни тебя удержать
Те, кто призван с бедой сразиться...

Сложнее было с припевом. В нём, по идее, нужно было выразить суть профессии и «отлить» в рифму, связав железным ритмом. На ум приходили ошанинские «Люди в белых халатах». Андрей поначалу отгонял чужие строки, но потом понял, что песни должны переключаться, как бы передавая поэтическую эстафету. Наконец сложился и припев:

Люди, верные клятве врачей,
Милосердья идут дорогой...

Нет на свете сердец горячей,
Нет профессии ближе к Богу!

Ещё недописаны были два куплета, а Соболев сел за фортепиано – искать мелодию. В его представлении песня должна была получиться эдаким чуть печальным маршем – уж больно тяжкий крест быть врачом на постсоветском пространстве (докторов, работающих в частных раскрученных клиниках «грустный марш» в виду не имел). Мелодия запева получилась минорной, со щемлящим баснеровским мелодическим скачком в конце запева. Припев обрёл «мускулистость» марша за счёт двух звеньев секвенции. Лишь написав музыку, Андрей вернулся ко второму и третьему куплету. Теперь уже сочинённая мелодия помогала рождаться рифмованным строчкам.

Вот опять, разорвав тишину,
Мчит машина, тревогой полнясь...
Значит снова «нервы в струну»,
Значит, снова зовут вас на помощь...

«Разорвав тишину» - банальный образ», - подумал Соболев. Однако новый гимн профессии не должен был сплошь и рядом оперировать «свежими» метафорами и необычными поэтическими образами. «Прочитаю Свете, если не резанёт ей ухо «разорванная тишина», то и менять ничего не буду.», - решил новоявленный бард и продолжил (пока не иссякло вдохновение) искать песенное завершение – третий куплет.

Надо сказать, что стихи Андрей писал давно (правда, для «внутреннего пользования»). Что-то использовал в работе на сцене, как часть концерта, что-то просилось в песню (был и такой опыт творчества). Стихи, как и музыку, Соболев любил писать карандашом, стирая ластиком неудачные варианты. Начинающий поэт справедливо полагал, что оставлять черновики, как Пушкин, вершина сомнения, и экономил бумагу.

Наконец появился чуть неуклюжий третий куплет. После правок, сопровождавшихся яростной работой ластика, финализация «проекта» выглядела следующим образом:

Дни и ночи, усталость забыв,
Как солдаты (не на параде!),
Не шадите вы собственных сил,
Человеческой жизни ради!

Закончив, Андрей позвонил директору ДК. «Ну, слушай, «заказчик»!», - пряча за иронией волнение, сказал автор «медицинского хита». Положив трубку на пианино, композитор и поэт исполнил новую песню.

- А что, хорошо... - сказала Светлана Петровна.

- Ничего не смущает? – спросил Андрей.

- Нет! Скорее приноси ноты. Будем заказывать фонограмму и писать «плюс»! – решительно, практически отдавая распоряжение, сказала Света.

- Есть! – по военному ответил автор.

Фонограмму в студии звукозаписи написали быстро. Правда, аранжировщик услышал «творение» Соболева, как песню-плакат. У него получилась аранжировка почти как у Гараяна к песням Владимира Высоцкого, вошедших в известный виниловый «гигант» после смерти поэта. Для репетиций времени почти не оставалось, и Андрей слёту, буквально с одного дубля записал «плюс». Петъ «живьём» без репетиций Соболев не решался.

Прозвучав на научно-практической конференции и на юбилейном концерте, песня, как говорится, ушла в народ. С тех пор Андрей вместо дежурной благодарственной

коробки конфет, нёс эскулапам диск с записями песен в своём исполнении. «Люди, верные клятве врачей» таяли от удовольствия...

Тем временем свидетелей враждующие стороны собирать не стали. Весь конфликт напоминал некую ритуальную дуэль, когда противники, обменявшись заведомо неметкими выстрелами, и удовлетворив, таким образом, чувство оскорблённого достоинства, мирно расходились. Через пару недель из суда пришло официальное письмо о прекращении дела.

Мировой судья дело прекратил, но главный участник событий из игры выбывать не собирался...

ХII

Говорят, в приличном обществе не принято наносить удары в спину. Может быть, раньше это и было одним из главных цивилизационных принципов людей, хотя бы номинально имеющих понятия о чести и достоинстве «приличного человека». Сегодня же всё изменилось. «Умри ты сегодня, а я завтра!», - закон уголовного мира стал за годы капиталистических реформ российских «плохишей» правилом для каждого мало-мальски руководящего россиянина. Петюнин явно принадлежал к руководителям «нового типа». Понимая, что интрига осталась незавершённой, управленец решил «стимульнуть» работу городской Прокуратуры своевременным «сигналом с мест». Нефтеозёрский Прокурор, хоть и собирался уходить на повышение, дело, не нашедшее должного отклика в милицейских и судейских душах, распорядился возобновить. О чём, свободно вздохнувшему было, отцу-мстителю радостно и сообщил Петюнин во время показательного-уничтожительного мероприятия в своём кабинете.

С начала «лихих девяностых» в речевой повседневный обиход каждого жителя бывшего СССР вошло леденящее душу понятие: «контрольный выстрел». «Звезда образовательного менеджмента» оказался последовательным киллером, и, дабы отрезать любые пути к мирному урегулированию межучительского конфликта, через сына одной из учительниц школы, по случайному совпадению преподававшей ту самую, ставшую «яблоком раздора» риторику, разместил в Интернете статейку об учителе музыки, воспитывающем учеников кулаками и ногами. Разумеется, о сути конфликта и диагнозе девочки автор статьи, ставшей «контрольным выстрелом», ничего не сказал. Дело приобрело всероссийскую огласку.

Владимир Андреевич Бузовский, как муж из известной серии анекдотов, узнал о разгоревшемся огне директорской мести самым последним. Выслушав Андрея, мэр позвонил начальнику ОВД и в управление образования, чтобы уточнить некоторые детали.

- Ничего, будем тебя спасать! – решительно сказал писатель руководящего профиля.

- Благодарю вас! – откашливаясь, отвечал Андрей у которого от волнения и блеснувшей надежды «в зобу дыханье спёрло».

- Что же ты раньше не пришёл?! – с досадой спросил Бузовский.

Вообще-то Соболев сразу же после конфликта, пользуясь представившимся случаем, поставил в известность заместителя Владимира Андреевича по социальной политике. Кабинет в здании городской Администрации Ираида Ксенофоновна Семёнова занимала совсем недавно. До назначения она работала... начальником Управления образования и была прекрасно информирована о петюнинских «выбрыках». То ли не придавала, замотанная свалившимися на ней новыми обязанностями, руководительница значения словам Андрея, то ли попросту не оценила масштаба личности местного «слепка» с автора известного

плана, в котором, по мнению членов парламентского большинства, была заложена победа России, но информация дальше Семёновой не пошла. Теперь же у Соболева не было никакого желания продолжать петюнинскую цепочку «подстав». По этому на вопрос Владимира Андреевича Андрей ответил ничего не значащими междометиями, сопровождавшимися энергичным пожатием плеч.

- Завтра начальник управления образования и Петюнин будут с утра у меня. Настало время «клизмить» твоего директора. Думаю, ему будет больно! – посмеиваясь, сказал на прощание Бузовский.

- Идите, работайте! – полуофициально закончил аудиенцию мэр, одарив Андрея энергичным рукопожатием.

Умиряющая надежда, вновь стала подавать признаки жизни. Но оказалось, что даже практически всесильный Глава города был, всё-таки, бессилён остановить запущенный бестрепетной менеджерской рукой механизм уничтожения неугодного учителя – правовое государство, «понимаешь». Дело на контроль взяла окружная Прокуратура, и перспектива получить срок всё яснее стала вырисовываться перед Андреем.

Соболев решил сдать себя той самой родственнице директора ДК, занимавшейся адвокатской практикой. В один из мартовских дней, после работы он, не заходя домой, сразу двинул в юридический Центр, где располагалась приёмная адвоката. Пристроившись в конце очереди, Андрей раскрыл предусмотрительно взятый с собой литературный журнал и углубился в чтение.

Читать незадачливый защитник «униженных и оскорблённых» любил, и научился складывать буквы в слоги и слова ещё до школы. Тому немало поспособствовали, воспитывающие без мужского надзора мальчишку, женщины – мама и бабушка.

В семье сложился настоящий Культ книги. Собиралась действительно хорошая библиотека, выписывались литературные журналы. Причём, учитывая сложность подписки, многие журналы «ходили по кругу», то есть передавались среди друзей семьи. Книжный шкаф был территорией приключений – книги стояли в два ряда и, хорошенько покопавшись, можно было обнаружить редкие издания малоизвестных авторов (таких, как например, Моисей Кульбак) и даже брошюры по половому воспитанию, воспринимавшиеся в стыдливые советские времена, как «Камасутра». Ах, какое наслаждение было, раскрыв том ещё неизвестного автора, завалиться на диван и уйти в иную, книжную реальность! Миры Грина и Куприна, повести и романы Алексея Толстого и Чапыгина, захватывающие приключения романов Жюль Верна и Джека Лондона – всё было, как нынче принято говорить, «в кайф», а каждая хорошая книга - открытие.

В Нефтезёрске Андрей продолжил своё библиофильство, осложнённое, в духе времени, видеоманией. Очень скоро вновь приобретённые книги, видеокассеты и цифровые диски стало некуда ставить, а в городской библиотеке учитель стал завсегдатаем. Оттуда, кстати, и был журнал, скрашивающий ожидание в очереди. «Наш современник» всегда пользовался большим спросом, и захватить свежий номер считалось редкой удачей. От вдумчивого анализа современной геополитической обстановки в мире, ставшей темой одной из статей Казинцева, Андрея оторвал звонок мобильного телефона. В трубке возник знакомый голос Бузовского.

- Вы где? – вместо приветствия спросил мэр.

- Сажу в очереди к адвокату... - невесело отозвался Соболев.

- Бросьте Вы этих финансовых вампиров! Идите срочно в милицию. Вас ожидает майор Тародумов. Он всё и объяснит...

- Понял! Уже иду... – отвечал обрадованный Андрей.

Перспектива погружаться в судебные дразги, да и публичная ложь (пусть и во спасение) была, воспитанному на книгах русских писателей, подследственному неприятна и даже омерзительна...

В ГОВД Андрея ждали. Невысокий, носящий странную фамилию, майор поведал, вступившему в конфликт с Законом, учителю о невозможности примириться с противной стороной до суда.

- Дело на контроле у окружного Прокурора и выйти из ситуации можно только через примирение в суде, - говорил майор, показывая соответствующие статьи в Гражданском и Уголовном кодексах.

- А если настаивать на моей невиновности, или на смягчающих обстоятельствах? – с видом знатока, поднаторевшего в решениях телевизионных шоу-судов, спросил Соболев.

- Не выйдет! Началась кампания борьбы с насилием над детьми. Из Вашего случая сделают очередное шоу. Только «примирение в суде»! – терпеливо, как маленькому, объяснил милиционер.

- Что я должен делать?

- Соответствовать...

- ???

- Вы должны дать признательные показания, искренне раскаяться, и, я даю Вам слово офицера, всё обойдётся. Причём прокуратура с этим ничего поделать не сможет – всё будет абсолютно законно, – глядя в учительские глаза, сказал майор.

- А пани Винцевская захочет мириться? – вопрос Андрея переполняла ирония.

- Она уже дала письменное заявление об отсутствии к Вам претензий. – отвечал Тародумов.

- Я могу подумать?

- Разумеется. Но времени мало!

Дома жена и дочь в один голос заявили, что ни о каких признательных показаниях и речи быть не может. Сын Алёшка, на этот раз полностью поддерживал женскую половину семьи.

- Это всё ментовские штучки! – поджав губы, сказала Ирина.

- Точно, точно! Нельзя сериалы переносить в жизнь. – поддакивала Настя.

- Девчонки, но он же дал слово офицера! – оправдывался, «за себя и за того парня», Андрей.

- Как дал, так и взял! – жена была по-большевистски непреклонна.

- Ладно, я буду думать. Утро вечера мудренее... - примирительно закончил дебаты «преступник».

- Как бы ты не решил, только никаких признательных показаний! Тебя же с работы выгонят! – попыталась оставить за собой последнее слово жена.

- Ты прямо как монтёр Мечников: «Только в любом случае – деньги вперёд!». – отшутился Андрей.

Ночь вряд ли можно было назвать спокойной. Не помог и экстракт пустырника, усиленный валерьянкой. Среди ночи сон решительно, словно хлопнув на прощание дверью, покинул уголовно преследуемого учителя. «Адвокат, плюс судебные издержки, - думал, глядя в потолок, Соболев, - и никто не гарантирует, что в сумме получится оправдательный приговор...». Осторожно, чтобы не потревожить сон жены, Андрей повернулся на бок и закрыл глаза. Сонный морок и не собирался возвращаться, но так было легче сосредоточиться. «В конце-концов, Виталия я наказал, - продолжал мучительно рассуждать падший педагог, - Иначе просто поступить было невозможно. Не поставь я на

место этого подонка, я бы не смог дочке, жене и сыну в глаза смотреть!», - рассуждал, внутренне закипая, Андрей. «Если исходить из правила, гласящего, что ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным, я совершил хороший поступок. Добро должно быть с кулаками...», - продолжил внутренний монолог Соболев. «Вопрос, как поступить дальше?», - сделал в рассуждениях следующий шаг ночной философ. «Враньё это, очные ставки! Петюнин уже провёл работу среди мальчишек, наверняка сказав пацанам, что я их другана посадить хочу. Они ради спасения Винцевского расскажут «на голубом глазу», что я, как Рэмбо «отметелил» мальчишку...», - поворачиваясь на другой бок, продолжил мусолить изрядно поднадоевшую тему незадачливый мститель. «Потом, как врать, когда я их учитель? Тут уж в пору поговорку продолжить: «Все мужики сволочи, все бабы – стервы, а учителя злые, брехливые мерзавцы!». «Да ну их всех! - решительно прервал внутренний монолог Андрей, - Надо постараться уснуть. Господи, пусть мне приснится Пасха!». Расслабившись, бывший Председатель Православного певческого общества вызвал в памяти своё первое пасхальное богослужение в Казанском храме Чернигова. И Всевышний услышал отчаянную молитву грешника. Сон, казалось навсегда покинувший супружеское ложе Соболевых, как бы извиняясь, незаметно вернулся восвояси. Только вот события по ту сторону сознания выстраивались далеко не сообразно желанию, наконец, уснувшего страдальца.

Сновидение, действительно начавшееся с предпасхальных песнопений, вдруг продолжилось Страстной службой, где вспоминается распятие и мучительная смерть Спасителя. «Князи людские обращаясь на Господа...», - мягко пел восьмым гласом тот, самый первый хор, собранный Андреем зимой девяносто второго года. «Это же не Пасха!», - вдруг ясно понял уснувший регент. Как это часто бывает во сне, спящий был не в силах изменить сценарий. Горели свечи в руках прихожан и хористов. Священник читал фрагменты из Евангелия. Хор, тихо шурша страницами, открывал следующий антифон. «Тече Иуда беззаконным книжником: - Что хотите дати и аз вам предам Его?», - запели певчие. Служба, на которой, вычитываются «Двенадцать Евангелий» всегда требовала от регентующего учителя особого внимания. Поскольку богослужение проходило раз в году, Андрей вечно путался в порядке песнопений, и, не доверяя, забитой уроками и сценариями очередных концертов, памяти, всегда сверялся со своими, специально сделанными записями и схемами. Сейчас же, во сне, служба, казалось, шла сама собой. «Сия глаголет Господь Иудеом: - Людие мои, что сотворих вам, или чим вам стужих?», - борясь с подступающими слезами, вновь запели друзья Андрея...

Человеку свойственно «черстветь душой». Постоянно участвуя в церковных службах, и певчие, и священники теряют первоначальную неофитскую остроту восприятия евангельских событий, с которыми связаны все детали церковной службы и каждое песнопение. «Ходить пешком в алтарь», - так батюшки между собой называют притупление религиозного чувства. Но «Дух Святой веет, где захочет», и никто в храме (по крайней мере, на памяти Соболева) окончательно не впадал в «церковный цинизм». Наоборот, порой случались вещи удивительные. Яркие всплески эмоций являлись неожиданно и просто ошарашивали всех присутствующих в храме. Андрей помнил, как убеждённый сединами настоятель Воскресенской церкви отец Иоанн разрыдался на «Двенадцати Евангелиях» и чтение продолжили молодые священники. Помнил «начальник хора» и свои «мурашки по коже» в первый год приобщения к церковному пению, когда на Всенощной весь кафедральный собор громогласно исторгал «Воскресение Христово видевшие»...

Во сне каждый певчий был максимально открыт, являя спящему и одновременно дирижирующему Соболеву самые искренние, самые чистые свои чувства. Вот уже зазвучало мужское трио. «Разбойника благоразумного во едином часе...», - выводили немногочисленные мужские голоса «казанского хора». Вдруг там, в сонно-призрачном действе произошло чудо. На клирос медленно, не упала, нет, легла тень Креста с силуэтом распятого на нём Иисуса. «Чудо, чудо!», - хотел закричать спящий Андрей, но, как это часто бывает во сне, голос вдруг пропал. «Как же так? Ведь никто не увидит...», - пронеслось в сознании, и в чудесный сон почему-то ворвалась пошленькая музыка очередная «фанерной звезды». Это включился предусмотрительно запрограммированный с вечера телевизор. Время было раннее, и на REN-TV ещё шла ночная музыкальная программа. Впереди был рабочий день и «учащим и учащимся» пора было вставать.

Соболев «восстал ото сна» удивительно легко (будто и не было бессонных ночных размышлений и борений с самим собой). «Иду признаваться!», - бесповоротно решил Андрей, и спокойно отправился совершать утреннее омовение...

ХІІІ

В течении рабочего дня принятое после необычного сна решение только окрепло. Ни слова не говоря домашним, Андрей отправился после обеда в милицию. Дознаватель, ещё не старый, но какой-то, что ли, поношенный, мужик с коротко остриженными остатками волос невнятного цвета, был на месте.

Надо сказать, что первая встреча с этим человеком не добавила в сознании Соболева к милицейскому имиджу ничего хорошего. Дознаватель, как говорится, с ходу «взял в оборот» не шибко грамотного юридически учителя. Откуда-то появились десять (!) свидетелей происшедшего и заключение судмедэксперта о тяжких побоях. А тон! Казалось, «милиционэр» уже заранее знает о высшей мере наказания для Соболева, и очень раздражён тем, что не удаётся вовремя оформить уже ничего не значащие бумаги. Во время первого допроса разговор сразу «не пошёл». На один из профессиональных выпадов дознавателя Андрей, в своей всегдашней манере полуинтеллигентного бюджетника, имел неосторожность назвать юридическое лицо «при исполнении» «голубчиком». Что тут было! «Я Вам не «голубчик», - взвилось «лицо», - Я капитан милиции!». Видимо в слове, невольно сорвавшемся с учительских уст, замученный неподъёмным объёмом следовательской работы милиционер, углядел особенно обидный для себя (не исключено, что сексуальный) подтекст. «Извините, я не знал.», - покраснел Соболев, мысленно зарекаясь разговаривать с капитаном на человеческом русском языке. Но разговаривать пришлось. Не матом же, в самом деле, давать показания учителю общеобразовательной школы! Разговор закончился ничем, так как преступный педагог упорно отрицал «меры физического воздействия» на несовершеннолетнего Винцевского». Однако, окончательно оформляя результаты первой, ещё предварительной беседы, Николай Алексеевич, а именно так звали «голубчика», потеплел лицом.

- Вообще-то, если бы с моей дочерью случилось такое... - вдруг сказал капитан.

- А у Вас есть дочь? – иронично спросил подследственный.

- Да, восемь лет, – не замечая учительской иронии, отвечал дознаватель. Казалось, что актёр после спектакля снимает грим отрицательного персонажа...

- Я даже затрудняюсь сказать, как бы я поступил в Вашей ситуации... – завершил Николай Алексеевич...

На этот раз раздражительный капитан был сама любезность. Узнав от подопечного, что грядет признание, Николай Алексеевич перезвонил адвокату, в присутствии которого закон обязывал оформлять показания, и даже предложил, выбросившему белый флаг, учителю выпить кофе. От кофе Андрей отказался и, дождавшись адвоката, быстренько, словно делал это не в первый раз, под протокол рассказал всю правду о случившемся в тот роковой февральский день.

«С моих слов записано верно», - вывел в протоколе формулу согласия Андрей. Следом адвокат засвидетельствовал полную законность и добровольность происходившего, и все, включая сидевшего в кабинете второго следователя, облегчённо вздохнули.

- Я готовлю дело к передаче в суд – сказал, истерзанный опасной и нелёгкой службой Николай Алексеевич.

- И сколько это займёт времени? – спросил Андрей.

- Не больше недели. А там уже всё зависит от количества дел в суде... - вполне доброжелательно отвечал, легко избавившийся от одного из многочисленных дел, дознаватель.

- Но до отпуска суд пройдёт?

- Конечно! На свободу с чистой совестью... - вдруг пошутил суровый защитник правопорядка.

- Спасибо Вам! – совершенно искренне поблагодарил вдруг развеселившегося милиционера Андрей. И поспешил покинуть кабинет.

Выходя из прокурорного помещения, Соболев лоб в лоб столкнулся с Винцевской.

Нина Дмитриевна находилась в состоянии, определяемом, как «со слезой во взоре». Андрей поздоровался (впервые с начала всех событий). Винцевская приветствие проигнорировала и взялась за ручку двери милицейского кабинета. «Странно. А она что тут делает?», - подумал Соболев, покидая порядком поднадоевшее здание. «Это она пришла заявление об отсутствии претензий писать!», - догадался Андрей. «Ну, менты! Красиво блефанули!», - мысленно восхитился преследуемый законом учитель. В принципе, особого повода для негодования у Андрея не было – пообещали привести дело к примирению и привели. Ну, а там до признательных показаний или после – это уже детали. Хотя доля риска во всей этой схеме, согласитесь, была. Раскрутившая маховик уголовно-процессуальной машины Винцевская, могла и не пойти на попятную. Как говорится, нужно было «сохранить лицо». Действительно, затеяв такое дело, сразу «включать задний ход»? И всё же Нина Дмитриевна поступила, как порядочный человек. Видимо и ей эта история порядком надоела. На следующий день Соболев нашёл подтверждение своим не самым весёлым мыслям о человеческих отношениях.

Во второй половине дня состоялось совещание у начальника Управления образования. Присутствовали не только враждующие стороны, но и Петюнин, выступавший теперь в роли «голубя мира». Кого-кого, а этого «руководящего кадра» Андрей хотел видеть меньше всех. Но сценарий чиновничьего «марлезонского балета» предусматривал и петюнинские «вариации». Деваться было некуда...

Нужно сказать, что «управленческая Дума» в таком составе заседала не в первый раз. Месяц назад, когда дело получило окружную огласку, вновь назначенный начальник всего нефтезёрского образования (а по прочной традиции, царящего в школах и детских садах матриархата, им оказалась, разумеется, женщина) собирала «малый педагогический консилиум», чтобы попытаться повернуть ситуацию в мирное русло. Тогда ничего не вышло. Пытаясь «обнулить» ситуацию, Андрей настаивал на публичных извинениях

Виталия перед Настей. Винцевская, поджав губы, заявляла, что «подростки в этом возрасте в конфликтных ситуациях не делают различия по половому признаку» и, соответственно, требовала покаяния и извинений от скорого на расправу Соболева. Разошлись каждый при своём, лелея собственные обиды и желая «противной стороне» потерпеть фиаско в предстоящих судебных разборках...

На этот раз чувствовалось, что страсти поостыли. Каждый из участников «мирной конференции» по-своему ожидал счастливого разрешения сложившейся ситуации. Петюнин старательно изображал «надсхваточное» спокойствие. Однако, быстрые взгляды, которые он бросал на каждого из участников мирной конференции, выдавали волнение – сказывалась руководящая «клизма» Бузовского. Как умел писатель и учёный разносить хозяев жизни рангом пониже, Андрей знал. О, это было отнюдь не ритуальное действие! Мэр вкладывал в разнос душу. Так что хитрого, но недальновидного руководителя среднего звена в других обстоятельствах Соболев, вероятно, даже пожалел бы, но сейчас ничего похожего на человеческое чувство не шевельнулось в душе «народного мстителя»...

Во взгляде Миры Викторовны – тщательно следящей за собой женщины «бальзаковского возраста», ответственной в городском масштабе за работу с «трудными» детьми и родителями, читалось явное сочувствие «взятому на цугундер» учителю. С этим действующим лицом «педагогической драмы» Андрей был знаком давно. Ещё год назад Мира Викторовна занималась различного рода организационной деятельностью в Управлении, в том числе и концертной. Конферирующий педагог частенько общался с гламурной функционершей по поводу различных исправлений, уточнений и дополнений в создающихся сценариях мероприятий управления образования. В Нефтеозёрске было принято все более-менее заметные проявления общественной жизни подгонять под некий стандарт начальственного видения. Чиновники любой структуры интуитивно чувствовали, что может понравиться Владимиру Андреевичу, а что вызовет «монарший гнев». Мира Викторовна так же обладала нефтеозёрским «шестым чувством», и частенько изымала из сценариев Андрея острые фразы, или опасные с точки зрения ответственного лица концертные номера. Однако делала это нормально, по человечески, как бы извиняясь – мол де «служба такая». В лице этого человека Соболев, безусловно, мог видеть союзника.

Заместитель начальника управления Хисмат Насырович совсем недавно был вознесён на руководящий олимп из нефтеозёрского многопрофильного колледжа (аналога советского ПТУ), где он работал одним из завучей. Вновь занятая должность, несмотря на явные преимущества, ещё «не обносила», и, словно только что купленный костюм, сковывала свободу движений, т.е. душевных проявлений нового зама. Хисмат напрямую занимался не только делом Андрея, но и всей осенней историей по устранению часов английского языка. Знавший Петюнина по совместной работе в колледже, он прекрасно понимал всю подоплёку сложившейся ситуации и явно сочувствовал уголовно преследуемому педагогу...

Недавно утверждённая в должности Мария Васильевна Портная, начальник Управления, словно вот-вот претерпевшая метаморфозу бабочка, ещё чувствовала себя непривычно в новом качестве. Ираида Ксенофонтовна Семёнова, предыдущий руководитель образовательными успехами Нефтеозёрска, умела оказывать на подчинённых почти гипнотическое воздействие. При ней Управление одновременно напоминало и райком комсомола, и воинское подразделение. Как правило, подчинённые харизматического управленца, мягко говоря, теряют инициативность, отдавая все силы на реализацию руководящих проектов. С уходом Семёновой на повышение в городскую

Администрацию, все работники руководящего образованием в городе учреждения, стали неуловимо меняться, вновь обретая, стёртые прежним стилем управления, собственные черты. Особенно процесс восстановления личности был заметен у вновь назначенной Марии Васильевны Портной, пребывавшей ранее в должности первого зама. Из типичного чиновничьего окупившегося состояния она на глазах переходила в иное качество, становясь чуть ироничным и, к радости подчинённых, демократичным руководителем. Мария Васильевна волновалась. Ведь от исхода всей этой, затеянной Петюниным, истории зависело её дальнейшее положение. При неудачном развитии событий можно было и креслом поплатиться. А это уже была бы катастрофа...

Нина Дмитриевна Винцевская выглядела в этот раз, как человек принявший окончательное решение. «Слезы во взоре» уже не наблюдалось. Не было и непреклонности во взгляде. Чувствовалось, что единственным желанием, ринувшейся в бой с подачи Петюнина, матери, было скорейшее прекращение всей этой истории.

Наконец, Мария Васильевна всех пригласила в кабинет. При рассаживании Андрей тщательно выбрал место подальше от своего креативного менеджера.

В отношении к Виталию Владимировичу чётко доминировало одно, основанное на неосознанной брезгливости, чувство – гадливость. Соболев прекрасно понимал, что если бы не заступничество Бузовского, директор хладнокровно, без ненужных угрызений совести, добил бы «яркого человека». Вот уже почти пятнадцать лет музыканту казалось, что начальники не являются коренными жителями планеты. Чем дальше во времени оставалась, заклеимённая бывшей голливудской звездой, «империя зла», тем больше крепло это убеждение. Победившие в девяносто первом «демократы», старательно «разделяли и властвовали». Любой руководитель был отделён от подчинённых «дистанцией огромного размера» - реальной зарплатой, в разы (!) превышающей денежное вспомоществование «пибла». Очень быстро начальники в России стали забывать, как прожить с семьёй на небольшую зарплату, вовремя внося деньги в ЖКХ, телефонные и энергетические кампании, выплачивая кредиты и обучая детей в ВУЗе. Правда, руководители не забывали требовать от подчинённых выполнения всевозможных обязанностей, в том числе и не предусмотренных должностными инструкциями. «Успешные менеджеры» даже выработали свой «инопланетный» язык, который явно вытеснял нормальные средства общения «аборигенов». Окружающая действительность всё больше походила на фантастический роман о захватчиках-инопланетянах, не воспринимающих людей, как разумных, равных себе существ. Казалось что и размножается эта инопланетная саранча мгновенно, почкованием. Иногда Соболеву представлялось, что вся Россия оплетена прочной, удушающей невидимой руководящей сетью...

Слово, разумеется, взяла Портная. Андрей слушал обтекаемые фразы начальника Управления в пол-уха, мысленно, в который раз, выстраивая свою предстоящую покаянную речь.

- Таким образом, сегодня, по прошествии времени, мы все вновь призываем Вас, Андрей Владимирович, и Вас, Нина Дмитриевна, простить взаимные обиды и примириться... - на этой фразе руководителя, Соболев попытался сосредоточиться на происходящем. Мария Васильевна, тем временем, обратилась к подследственному учителю:

- Андрей Владимирович, Вы готовы к примирению?

Соболев рывком, словно в атаку, встал. До последнего момента ему казалось, что нужно просто сыграть отчаянное раскаянье, выполняя некий покаянный ритуал. Но сейчас,

в момент, когда нужно было говорить, Андрею стало понятно, что ни о какой актёрской игре не может быть и речи. Нет, Соболев прекрасно понимал, что случись эта история, не дай Бог, ещё раз, он поступил бы таким же образом. Однако сейчас пришло понимание и того, что интригоплёт-директор сделал с матерью и сыном Винцевскими. Они тоже, по милости Петюнина, «потеряли лицо». Из всей этой мерзкой трясины нужно было как-то выбираться. Что же, Андрей готов был сделать первое усилие.

- Нина Дмитриевна, - слова, почему-то, произносились с трудом, словно действительно вытаскивались из вязкого болота, - пора заканчивать эту историю. Я вспыльчивый человек, гнев руководил мной в тот злополучный день. Я приношу Вам свои извинения...

Андрей смотрел в глаза Винцевской. Та, неожиданно для окружающих встала.

- Мы оба измучились, - вдруг добавил Соболев.

Главные слова «встречи на высшем уровне» были произнесены. Мария Васильевна, не утрачивая стратегическую инициативу, тут же обратилась к стоявшей матери-педагогине.

- Нина Дмитриевна, Вы принимаете извинения Андрея Владимировича?

- Да, - с достоинством принявшего решение человека отвечала Винцевская, - принимаю...

- В таком случае, я прошу зафиксировать примирение в протоколе совещания, - совершенно другим, уже не официальным тоном, сказала Портная и облегчённо улыбнулась.

Финал встречи носил скомканный характер. Все где-то расписались и постарались быстрее покинуть сразу, ставший тесноватым, кабинет начальника. Андрей намеренно задержался в приёмной, чтобы не столкнуться с Ниной Дмитриевной в гардеробе. После примирительного ритуала он испытывал двоякое чувство – облегчение, смешанное с досадой. Ну да «снявши голову, по волосам не плачут». «А вдруг в этом и есть «сермяжная правда»?», - мысленно отшутился Соболев словами одного из героев любимого писательского дуэта...

Вечером жена из почтового ящика достала письмо в конверте с официальным штемпелем. Внутри находилась повестка, извещавшая, что суд по уголовному делу №... состоится 16 апреля. Андрей глянул в календарь. Днём суда оказался четверг. «Опять уроки пропадут», - раздражённо подумал учитель, и тут только понял, что суд будет проходить на Страстной седмице в Великий Четверг.

XIV

Как ни странно, время, оставшееся до суда, не давило на Андрея тяжким грузом мучительного ожидания и бесконечных переживаний. Тот факт, что судить преступного учителя будут именно в день Страстей Спасителя, внёс в душу преступившего закон педагога успокоение. Да и страсти самого Соболева уже были позади. Возвращаясь к событиям «рокового дня», он очень ясно понимал, что иначе в «предложенных обстоятельствах» поступить не мог.

Не то чтобы, выросший на рыцарских романах и хорошей советской литературе, музыкант всегда лез в драку, защищая слабых и отстаивая попранный справедливость, нет, но в ключевые моменты своей жизни Андрей, чувствуя холодок в районе «солнечного сплетения» и преодолевая нерешительность и страх, поступал, как должно мужчине. Поступки эти не самым благоприятным образом сказывались на отношениях с начальством и коллегами, стоили нервов и, разумеется, здоровья. Однако за годы

самостоятельной взрослой жизни толстовский принцип «не могу молчать» стал второй натурой Соболева, создавая ему в глазах руководства репутацию человека неуживчивого, сложного, избегающего попасть в зависимость от этого самого руководства.

Всё началось с двойного сотрясения мозга в подростковом возрасте. Идя с очередной борцовской тренировки, зазевавшийся «поддубный» был сбит лихачом-мотоциклистом. Удар головой о мраморный бордюр улицы имени Карла Маркса полностью стёр память о происшедшем и положил конец спортивной карьере Андрея. Память воспроизводила только события, произошедшие до аварии и с момента обычных процедур определения в городскую больницу. Само происшествие и почти два часа, проведённые после общения с марксистским бордюром дома, навсегда выпали из сознания. Выйдя из больницы и мечтая о возвращении в спорт, восьмиклассник ухитрился влезть в драку буквально через дорогу от дома.

В тот день ничего не предвещало бурного развития событий. Уже оправившийся после травмы и слегка пополнившийся в результате резкой смены режима Андрей вышел во двор. Надо сказать, что время было замечательное! В принятой нынче классификации – «расцвет застоя». Застой застоем, но молодёжь предпочитала время проводить активно. В обширном зелёном и неплохо оборудованном дворе почти каждый вечер собирались ребята четырнадцати-семнадцати лет, чтобы пообщаться, сыграть партию в пинг-понг и поделиться новыми достижениями в сфере гитарного аккомпанемента. Да, музыку в «застойные» времена предпочитали создавать сами! Андрей уже несколько лет осваивал премудрости игры на популярном щипковом инструменте под руководством опытного педагога из первой музыкальной школы. Осваивал, правда, частным образом, так как поступить в школу по классу гитары в те времена было весьма проблематично. Разумеется, что во двор идущий на поправку юный музыкант вышел «с гитарой под полюю». Погода стояла тёплая и сухая. Уже было спето немало песен (в том числе и «под Высоцкого»), сыграно несколько партий «на выбывание» в настольный теннис, как во двор заявила компания подростков, живущих в домах через дорогу. Иссякнувшее было за неимением тем, общение возобновилось. Главная тема совпадала с названием песенного цикла композитора Аркадия Островского. Кто-то, взяв вынесенную во двор Андреем гитару, спел пару не исчезавших этим летом из эфира песенок. Через пол часа гости засобирались.

«Слушай, Андрюха, дай гитару поиграть на часок!», - сказал один из парней. «Мы потом занесём. Век воли не видать!», - продолжил он цитатой из любимого фильма про заведующего детским садом, ставшим участником милицейской операции по внедрению в банду. Одолжить инструмент? Дело обычное! Гитара пользовалась особым почтительным отношением у тогдашней молодёжи. Обычно никто бы и не посмел как-то не так обойтись с романтическим символом истинно душевного разговора и свободомыслия. Андрей совершенно спокойно отдал свой инструмент, наверняка зная, что ничем не рискует. Как же он в тот вечер ошибался!

Событийный раствор того летнего вечера оказался до предела концентрированным. Ушедших с чужой гитарой ребят уже поджидала некая уголовная личность, которой нужны были добровольные и несовершеннолетние помощники в извечном воровском деле распределения общенародных ценностей. Личность эта, несомненно, обладала педагогическими способностями, так как без труда уговорила всю компанию влезть через подвал в гастроном и вынести оттуда товар на весьма изрядную сумму. В качестве воровской доли, делающая первые шаги на уголовном поприще, молодёжь получила несколько бутылок коньяка, которые тут же и распила.

Тёплый летний вечер, тем временем, плавно устремился в ночь. Не дождавшись возвращения инструмента, Андрей решил сходить за гитарой сам. Что-то создавало в душе некий едва заметный диссонанс. Наверно, это было предчувствие, причём нехорошее предчувствие. Повинуясь этому зову подсознания, подросток попросил одного из крепких ровесников помочь ему, как потом было записано в уголовном деле, «вернуть инструмент законному владельцу».

Ребята, успевшие нарушить Уголовный Кодекс, уже давно приступили к осуществлению второй части, озвученной Евгением Леоновым триады: «Украл, выпил, в тюрьму!», естественно, не думая о печальном завершении всей логической цепочки. Подростки чувствовали себя очень взрослыми и бесконечно сильными. Пережитый стресс и алкоголь сделали своё дело – новоявленные «джентльмены удачи» были агрессивны и воспринимали окружающий мир в несколько размытом состоянии, как будто в фильме, где по замыслу режиссёра оператор специально расфокусировал объектив. Вся компания уютно устроилась в одной из беседок детских яслей, примыкавших ко двору, где жили, потерявшие уголовно-процессуальную невинность, несовершеннолетние. Андрей и его добровольный помощник, легко преодолев невысокий кирпичный забор, подошли к представителям «преступного сообщества».

- Парни, гитару верните, пожалуйста! Я уже домой ухожу, - вполне миролюбиво сказал Андрей.

- А ты, кто такой? - вдруг «с пол оборота» завёлся один из «джентльменов удачи».

Дальше события развивались стремительно, словно в фильмах Гайдая, правда в этом «кине» и близко не было следа хоть какой-то комедийности. Следом за вопросом, практически без паузы, пьяный подросток провёл типичный приём уличной драки, резко ударив так и не узнавшего им хозяина гитары головой в переносицу. У Андрея всё поплыло перед глазами – дало о себе знать перенесённое месяц назад тяжёлое сотрясение мозга. «Серёга, бежим!», - крикнул незадачливый гитареро и, не дожидаясь рокового для себя развития событий, рванул, борясь с подступающей тошнотой (первым признаком нового сотрясения), через забор. Сотоварищ Андрея почему-то за ним не последовал. То ли не успел, то ли не понял, что десяток крепких, нетрезвых и к тому же возбуждённых правонарушительным приключением парней представляют собой реальную опасность.

Что произошло дальше, Андрей узнал на следующее утро. Приход нового дня был безрадостным. Во-первых, вызванный врач диагностировал у юного Соболева новое сотрясение мозга. Во-вторых, вслед за врачом в дом явился участковый с Соболевской гитарой. Вместе с ним пришли и родители Серёги, так опрометчиво брошенного наедине с потерявшими человеческий облик подростками, ошеломлённым новой травмой Андреем. Выяснилось, что оставленный в беде товарищ, как говорится, получил по полной программе. Били его долго и с удовольствием. Возникла классическая «канализация агрессии» - осознавая своё нравственное падение, разогретые пятизвёздочным коньяком, начинающие уголовники отмолотили не искусителя, втянувшего их в преступление, а ни в чём не повинного, случайно попавшегося им на глаза человека.

Андрей встретил гостей лёжа в постели – врач категорически запретил двигаться в течении десяти дней. Имевший совсем свежий опыт больничной двухнедельной неподвижности, подросток печально смирился. Пока немолодой старлей проводил опрос, сравнивая показания двух пострадавших, Андрей краем глаза видел, как смотрели на него отец и мать Сергея. Не было в их глазах ничего хорошего, одна только сочувственная гадливость. И если печальные последствия нового «мозготрясения» до этого момента полностью заслоняли в сознании травмированного Соболева обстоятельства его

вчерашнего позорного бегства, то теперь душа, словно освобождаясь от наркоза, заболела. Андрею стало стыдно. Он фактически предал товарища. Бросил его один на один с толпой «заливших глаза» начинающих «борцов за передел социалистической собственности». Старательный участковый тем временем заканчивал оформление опроса одного из потерпевших. Чтобы как-то упрятать нестерпимо обжигающий стыд поглубже в подсознание, новоявленный предатель начал искать слово, которое могло бы кратко обозначить несовершеннолетних правонарушителей. «Если юный натуралист – юннат, то начинающий уголовник тогда «начуг», или угнач?»», - думал Андрей, переводя всё случившееся в юмористическую плоскость. Получалось не очень...

Потом, спустя год, посмотрев гениальное «Восхождение» Шепитько, Соболев понял основную причину своего предательства – неготовность справиться с инстинктом самосохранения, сыгравшим с ним такую злую шутку. Тогда, тёплым летним вечером в тёмном дворе, казалось, что тело Андрея, помимо воли хозяина, само выбирало оптимальные действия. Стыд за всё происшедшее мучил подростка, словно зубная боль, напоминая о себе в самые неподходящие моменты. И не только, когда приходилось давать показания на следствии (а ребят, начав с драки, очень быстро «раскрутили» и на ограбление – первопричину всего случившегося), но и во время уроков в школе или за чтением очередной захватывающей книги из маминой библиотеки. Со временем боль стыда, словно болезнь, перешедшая в «хронику», притупилась, но никуда не ушла. Сергей, быстро оправившийся от последствий своего «общения» с молодым черниговским криминалом, на бросившего его в трудной ситуации Андрея зла не держал, но вот отец дворового приятеля, простой работяга, всегда при удобном случае старался выказать своё отношение к предательству «интеллигента». Спустя несколько лет, когда Соболев заканчивал музыкальное училище, неприятная история получила своё продолжение. Серёга, освоив рабочую специальность в престижном железнодорожном ПТУ, был призван в армию. Видимо везло парню на всякого рода заварухи, потому что попал он служить, не куда ни будь, а в Афганистан. Нужно ли говорить, что вернулся Сергей из «школы жизни» досрочно, будучи комиссованный по ранению? Осколок гранаты перебил сухожилие на правой руке. Рука стала «сохнуть» и Сергей получил инвалидность.

Учёба в «музылице», в отличии от ПТУ, длилась четыре года. Андрей, ещё не служивший, встретив во дворе досрочно «дембельнувшего» ровесника, испытал укор совести – мол, вот и в драке несколько лет назад Серёга «отоварился» за «того парня», и в Афгане, получалось, прикрыл заканчивающего образование Соболева. Расстройства добавил отец солдата. Проходя мимо, он, не потеряв и десятой доли своего гадливо-презрительного отношения к виновнику давнишнего несчастья сына, громко сказал: «Чего ты тут с этим разговорился? Нечего...». Это было, как оплеуха, и запомнилось навсегда...

С тех пор, как бы не чревата была ситуация последствиями, Андрей, подталкиваемый той давнишней болью стыда, всегда, как в песне Галича, «выходил на площадь». Получал, разумеется, и от «дедов» в армии, и от разного рода начальников, и даже от некоторых священников, но ничего с собой поделаться не мог – «пепел Клааса» стучал в его сердце.

Тем временем главное церковное событие года – праздников Праздник, приближалось, словно сани, пущенные с горы. Как всегда, последние две недели Великого поста, предшествующие Страстной седмице, пролетели, как бы, с ускорением. Частые «выезды» на репетиции «трёхколёсного «Мерседеса» и подготовка к Пасхальному концерту, воплощение задумки Бузовского (а это была очередная научно-практическая конференция, которую, по правилам, заведённым в Нефтеозёрске, пару раз полагалось

отрепетировать) и каждодневные уроки в школе до предела наполняли каждые сутки, делая течение времени стремительным, как поток машин на столичных улицах.

С подписанием признательных показаний, для Соболева закончилась вся милицейско-протокольная сторона его конфликта с Винцевскими. Всё, что так или иначе плотно наполняло жизнь Андрея разнообразными событиями, отошло в сторону, особо не «цепляя» сознания. Главным стала подготовка к пасхальному богослужению – самому трудному и в профессиональном и физическом плане в годовом круге церковных праздников.

XV

«Вербное Воскресенье» Андрей встретил, как и полагалось, на клиросе. Погода, казалось, не давала весне никаких шансов. Первые проявления пробуждающихся от зимнего забытья растений на городских улицах и в окрестных лесах ещё не наблюдались. Вербные ветви, заменяющие в далеко не иерусалимском климате России пальмовые, загодя ставились в огромные пластиковые кадки, расставленные по внутреннему периметру храма, где срезанные в лесу «лозины», обманутые центральным отоплением, и выпускали первые, покрытые нежнейшим пушком, почки. Освящённые во время богослужения, неприхотливые северные растения приносились в дома, чтобы стать одним из символов приближающейся Пасхи. После вечернего богослужения в субботу, Андрей вышел из храма под проливной дождь – апрель, совершив отчаянный прорыв в зимней обороне, громко заявлял о приближении весеннего (даже на Севере) Праздника. Скользя по покрывшемуся вдруг тонким слоем воды, утоптанному насту, регент не дошёл, а буквально добрёл домой. «Что же завтра будет твориться на улице?», - думал Соболев, укладываясь спать, - «Надо непременно достать галоши...».

Галоши, славный пережиток советского прошлого, с утра не понадобились. Ночью ударил мороз, и город превратился в один огромный, и для людей, и для машин, каток. Но самое удивительное – все деревья и кусты Нефтеозёрска обрели вербные почки! Нет, природной аномалии не произошло, и жаркое дыхание Средиземноморья не дотянулось до Полярного Круга. Просто ночью дождь сменился мокрым снегом, который под напором, поменявшегося с южного на северный, ветра налип на едва выступающих, ещё спящих древесных почках. Подтаивающий снежный компресс под утро был зафиксирован морозом. И вот, взорам спешащих на Литургию нефтеозёрцев, предстала удивительная, ошеломляющая своим «попаданием» в Праздник, картина. Ветки невысоких северных берёз и верб сияли в лучах, выглянувшего из-за туч, солнца тысячами бриллиантов искусственных ледяных «котиков» - русским символа Вербного Воскресенья и Святой Пасхи! «Вот вам и Православное чудо – подарок к Празднику!», - восхищённо подумал Андрей, любясь неожиданной творческой находкой природы.

Вход Господень в Иерусалим - особый день. Позади Великий пост с его долгими богослужениями, особой, ни с чем не сравнимой, атмосферой духовного делания и покаяния, песнопениями, исполняющимися только в этот период. Впереди Страстная седмица – самый трудный отрезок времени перед Пасхой. Верующие люди в Вербное воскресенье, с искренней радостью, сквозь почти два тысячелетия приветствуя, въезжающего «на ослиати» в Вечный город, Христа, делают «вдох-выдох» перед последним рывком, завершающим огромную дистанцию до Главного Праздника богослужебного годового круга. Петь в этот день было всегда, как-то особенно легко, да и Литургия, по

сравнению с великопостными воскресными службами, была короче и по-праздничному ярче.

Хор участвовал в богослужении в полном составе. Специфика северной жизни, при которой каждый нефтеозёрец, постоянно приносивший клятвы в верности «городу сердец молодых» (а именно так назывался Нефтеозёрск в песне на стихи местного поэта), был всё же временным жителем, постоянно заставляла регента искать новые поющие «кадры». Неизменным оставался лишь костяк творческого богослужебного коллектива, ещё помнивший времена, когда петь приходилось в приспособленном помещении первого горисполкома, расположенного когда-то в самом сердце строящегося посёлка, а потом оказавшегося на окраине выросшего города. О, это поистине была «старая Гвардия»! Правда, заметно поредевшая. Несколько последних лет все гласовые фрагменты праздничного обихода пело лишь три человека. Альтовую партию - Лариса, бас - Андрей и сопрано Люда. Чтобы не тратить времени на разъяснения, регент объявлял: «Стихиру поёт трио «ЛАЛ!». Нет, были в хоре и другие певчие, но на службу выходили они редко (в основном по большим праздникам) и стихирарное пение усваивали с трудом. В год «педагогического катаклизма», незадолго до начала Великого поста произошло ещё одно событие, воспринятое Соболевым, как предпасхальное чудо. Вернулась в хор Ольга Мальцева – скрипачка из детской школы искусств. Когда-то она одновременно с Андреем и Ириной приехала в Нефтеозёрск, чтобы работать под руководством незабвенной Киры Лазаревны, возглавившей только что открытую «обитель муз». Пела одинокая, но уже изведавшая радость материнства, Ольга ещё лучше, чем играла на своём далеко не простом инструменте. Тогда, в уже далёком девяносто восьмом году, Андрей сходу собрал из приехавших специалистов вокальный ансамбль, переквалифицированный им со временем в правый церковный хор. Новая скрипачка, имевшая к тому же и опыт пения в одном из храмов своего родного города, пела в том первом «горисполкомовском» составе ведущую партию сопрано.

Жильё вновь приехавшим преподавателям, а было их в тот год шесть человек, предоставили, как говорится, по остаточному принципу. Семьи расселили в «коммуны». Это называлось «с подселением». Квартиры были разные. Андрей тянул жребий, и судьба определила ему жить в просторной, но деревянной трёхкомнатной квартире, где третья комната досталась, как раз, Ольге. Соболев и его жена Ира абсолютно спокойно отнеслись к известию о «подселении».

До приезда в Нефтеозёрск они год проработали в соседнем Ноябрьске, где с детьми ютились поначалу в здании школы. Потом, когда кто-то из «доброжелателей» просигнализировал в «органы» о незаконном проживании «хохлов» в детском учебном заведении, семья Соболевых съехала в пустующую квартиру отца Вячеслава, доучивавшегося в ту пору в Тобольске, где он и жил всей своей немалой семьёй. Квартира располагалась в «БАМовском» сборно-щитовом доме. Когда-то преподаватель Ноябрьской школы искусств Вячеслав Белогубов затеял там ремонт, но, резко поменяв жизнь, поступил в Тобольскую духовную семинарию, ремонт не закончил, а ключи отдал настоятелю ноябрьского храма Серафима Саровского отцу Константину. Эвакуированная в спешном порядке из ДШИ семья «нелегалов», поселилась на два месяца в заваленной стройматериалами и, по сложившейся на постсоветском пространстве традиции, носящей разрушительные следы деятельности ремонтной бригады «деревяшке». Как же все Соболевы, включая маленькую Настю, радовались обрётённой крыше над головой!

После завистливого «сигнала» ноябрьских ревнителей института регистрации по месту жительства, Соболевы, отчаявшиеся обрести хотя бы временную прописку и очень

своевременно «спротезированные» новыми ноябрьскими друзьями в Нефтеозёрскую школу, покинули, оказавшись столь негостеприимным, большой город и стали налаживать жизнь в маленьком, но не столь нетерпимом к приезжим Нефтеозёрске.

Жизнь в «коммуналке» имеет свои «плюсы» и «минусы». Андрей, будучи студентом Одесской консерватории, наблюдал быт людей, всю жизнь выстаивавших очередь в туалет и мывших по графику «места общего пользования». Большинство коренных одесситов, и не помышляло о, такой желанной для многих, отдельной квартире, особенно, если «коммуна» была расположена в центре города Героя. Южный лёгкий характер жителей, да и вся, какая-то праздничная, атмосфера самого весёлого города СССР нивелировали все «минусы» «коммунальных гнёзд», значительно увеличивая «плюсы» совместного быта. Совершенно по иному сложилось общежитие в Нефтеозёрске. Уже через пару лет у всех обитателей «деревяшки» накопились претензии друг к другу. Дело усугублялось тем, что по неписанному кодексу «интеллигентской чести» претензии не высказывались вслух. Глухое недовольство, выматывающихся на уроках учителей, превратило трёхкомнатную педагогическую обитель в типичную «Воронью слободку». В конце концов, соседи перестали разговаривать друг другом, а сына, постигавшего премудрости скрипичной игры под соседским руководством, пришлось перевести в класс другого специалиста. Кончилось всё тем, что Ольга, прямо на службе всплыв из-за замечания регента-соседа, покинула, казалось навсегда, церковный хор. В партии сопрано к тому времени уже пела Люда – выпускница Кировоградского музыкального училища, зарабатывавшая свой северный хлеб музруком в детском саду. Так что, несмотря на демарш скрипачки, хор не распался. Андрей не очень и огорчился, так как с одной стороны лирическое сопрано Ольги отнюдь не было лишним в коллективе, но с другой – постоянная взрывоопасная ситуация во время богослужений порядком портила регенту нервы.

«Коммуну» потом, всё-таки, расселили. Отношения же с бывшей соседкой налаживались с трудом. И вот, накануне Великого поста, Ольга, уже к тому времени обретшая «тихое семейное счастье», подошла к клиросу и, «опустив очи долу», спросила, можно ли будет снова влиться в коллектив. «Разумеется, можно!», - отвечал Соболев, понимая, что лишним хороший голос в хоре никогда не будет. Возвращение «заблудшей овцы» было воспринято Андреем, как добрый знак, возвещавший об окончании в жизни «чёрной полосы». Так и произошло. «Трёхколёсный «Мерседес», несмотря на проблемы с Соболевскими голосовыми связками, лихо катился в направлении пасхальных торжеств. В школе, накануне суда, никаких «вражбых вылазок» не наблюдалось, и лишь дома Андрей чувствовал тщательно скрываемое напряжение всей семьи, ожидавшей развязки, закрутившейся в тугой прокурорский «узел» ситуации.

Сын Алёшка, по-мужски неуклюже, утешал отца: «Ты, пап, не волнуйся. Обойдётся!», - говорил он, смущаясь. Обычно утешали его, с детства мнительного, а с годами ещё и обретшего тягу к слегка авантюрным бизнес проектам. Пытаясь обрести финансовую свободу, Соболев-младший, получивший неплохое музыкальное образование, то работал охранником ночных заведений в Чернигове, сочетая эту «милую» должность с тренерской работой, то занимался продажами спортивного питания и снаряжения. С началом кризиса, вызвавшем анабиоз бизнеса в Украине, Алексей осел в Нефтеозёрске у родителей, обретя работу тренера тяжёлоатлетической секции в городском спорткомплексе «Ямал». Спорт в жизни сына победил все старания родителей направить первенца по своим стопам. Закончив школу искусств по двум отделениям (скрипки и тромбона) и отучившись в родном «музылице», наследник, ещё мальчишкой приведённый Андреем в спортивный зал, где, словно в кузнечном цеху, стоял металлический звон штангистских «блинов» и

слышалось натужное рычание, борющихся с «железом» атлетов, ни дня не работал по приобретённой специальности. Ухитряясь сочетать игру на трёх (а как без «общего» фортепиано?) музыкальных инструментах с активными занятиями пауэрлифтингом, Алёша упрямо свернул на спортивную стезю, заработав проблемы с позвоночником и обеспечив себе постоянное ворчание, так и не смирившихся с «вылетом» сына из профессии, родителей.

Андрей, в который раз, благодарил Бога за то, что сам пошёл разбираться с Настиним обидчиком (Лёшка был в это время на тренировке). Заступись за сестру могучий, словно сошедший с экрана молодой Шварц, бывший скрипач и тромбонист, и возможно подростку, слегка очумевшему от акселерации, пришлось бы на самом деле серьёзно лечиться.

Иришка, старалась лишний раз не напоминать мужу о предстоящем «аутодафе». Но и без того изящная и не утратившая девичьей стройности, спутница жизни заметно похудела и осунулась, ожидая очередного подвоха и от прокуратуры, и от, вроде всё уладившей милиции, и от непредсказуемо коварного и по кошачьи злопамятного Петюнина. Соболев замечал перемены, произошедшие с женой, и радости это ему не добавляло.

Настя, понимая, что весь сыр-бор разгорелся из-за неё, переживала за отца, стараясь не вмешивать его в проблемы, возникшие в её классе после всей истории. Потом уже Андрей узнал, что группа гламурных симпотизанток Винцевского стала распространять среди детей слухи о том, что учитель музыки и его дочь специально хотят посадить бедного юношу, так и не усвоившего нормы поведения в общении с противоположным полом. Часть юных почитательниц скандально известной «светской львицы», обретшей в последнее время статус телеведущей, даже попробовали организовать учительской дочери бойкот. Папина дочка, унаследовав соболевское упорство, боролась с возникшими трудностями в одиночку...

Литургия в последнее воскресенье перед Пасхой закончилась рано. Люди, переполнявшие храм, растекались по улицам Нефтеозёрска, неся в руках освящённые вайи – вербные ветви. С первым весенним «букетом» пришёл домой и Андрей. «С Праздником, православные!», - воскликнул он, открыв двери квартиры. Семья, отсыпавшаяся после трудовой недели, в полном составе вышла в просторный холл Соболевской «деревяшки».

- Давайте-ка, народ, я вас всех посеку вербами – во здравие духовное и телесное! - громогласно продолжал глава семьи. «Народ» послушно подставил спины.

- Не болеть, не унывать, Бога чтоб не забывать! - приговаривал Соболев, легонько постукивая домашних по спинам. Дети радостно улыбались, в полу-шутку полу-серьёз воспринимая отцовский обряд. Ира, обычно весело принимавшая все мужнины затеи, на этот раз была серьёзна.

- Ну, и меня кто-нибудь посекуте, - закончив процедуру, сказал Андрей.

Жена, взяв принесённые ветви, начала похлопывать ими супруга, приговаривая рифмованную формулу грядущих исцелений. Опуская розги на спину мужа в последний раз, Ирина вдруг, вместо привычного набора пожеланий, вдруг сказала: «И чтоб в суде всё обошлось!».

- Да ладно, мам, обойдётся! – даже чуть с досадой, обращаясь к матери, утешил всех Алёша. Настя молча посмотрела на мать так, как будто она сказала что-то бестактное.

- Конечно, обойдётся! Таких совпадений просто так не бывает. Да и все уже, даже Винцевские, поняли, что всё дело – большой мыльный пузырь, выдутый Петюниным, – закончил разговор Андрей.

- А праздничный обед у нас готов? – весело спросил изрядно проголодавшийся на службе регент.

- А дирижёры – все обжоры! – наконец улыбнувшись, сказала жена, - Разумеется, готов!

Больше о предстоящих судебных «страстях» не было сказано ни слова.

XVI

Первые три дня последней недели накануне Светлого Праздника до предела были заполнены работой. Уроки, которые благодаря «заботливому» школьному диспетчеру начинались всегда в восемь тридцать, «техосмотр» «трёхколёсного Мерседеса», проводившийся накануне самого ответственного «выезда», репетиции Пасхального концерта в доме культуры, казалось, полностью заслонили надвигающиеся события.

В среду вечером, вернувшись из ДК, Андрей попытался как-то выстроить модель своего поведения на предстоящем судебном заседании. Ничего не получалось! За свои прожитые сорок пять лет, Соболев ни разу не был судим, никогда не выступал свидетелем на «разборках» в присутствии незабвенной советской «тройки» или нынешних, облачённых по западной традиции, в чёрные мантии, судей. Весь судебно-юридический багаж провинившегося учителя составляли игровые фильмы, где по сюжету действие могло происходить во время судебных заседаний. «Да чего я пытаюсь, что-то там выстраивать?!», - подумал Андрей. «В конце концов, «сценарий» пишу не я, и ведущим выступает судья...», - успокаивал себя Соболев. «Утро вечера мудренее!», - завершил внутренний монолог, дебютирующий в роли подсудимого, педагог, и завалился спать. Семья главу семейства в этот вечер старалась не беспокоить.

Утро «педагогической казни» выдалось солнечным и морозным. Казалось, что в такую погоду нужно просто простить всё друг другу и, без всякого вмешательства третьей стороны, мирно разойтись, наслаждаясь первым, ещё робким солнечным теплом и полной грудью вдыхая морозный, но уже, несомненно, весенний воздух.

Судебное заседание должно было проходить не в основном здании городского суда, а в приспособленном помещении многоквартирной «капиталки». В повестке был указан точный адрес и Андрей, слегка поплутав по плотно заставленным легковушками дворам, быстро нашёл нужный панельный дом. До суда оставалось ещё более получаса. Даже мысль о том, чтобы провести это время в тесной и жаркой прихожей бывшей трёхкомнатной квартиры, вызывала у Соболева настоящее удушье. Покинув тесный и жаркий оплот законности и правопорядка, мятежный педагог решил обогатить свою кровь кислородом и стал прогуливаться по противоположной стороне большого двора. Похрустывая замёрзшей за ночь снежно-ледяной кашей, Андрей, чтобы отвлечься, мысленно повторял порядок песнопений на предстоящем вечером Страстном богослужении.

Ровно без пяти десять, испытывая лёгкое волнение, Соболев вновь вошёл в тесную прихожую, где уже присутствовали мать и сын Винцевские, а так же один из старшеклассников, который якобы видел «акцию возмездия» разгневанного отца и учителя. Как и полагалось по закону, юноша был вызван в суд с матерью. Андрей со всеми поздоровался. «Пострадавшая сторона», чуть вразнобой, ответила. Несовершеннолетний свидетель, смущаясь, тоже поздоровался с учителем, которого ему предстояло «топить» на слушаниях, разумеется, если бы дело приняло иной оборот. Судебный пристав,

вышедший из бывшей кухни, адаптированной для судебного выяснения отношений, квартиры, сообщил, что нужно будет подождать, так как не окончилось первое слушание. С детства ненавидящий ждать и догонять, Соболев, набросив на плечи куртку, вышел на лестничную площадку и раскрыл, предусмотрительно взятый с собой толстый литературный журнал.

От чтения продолжения обширной статьи Казинцева в «Нашем современнике» подсудимого отвлекла женщина-адвокат.

- Вы Соболев?

- Да.

- Я Ваш адвокат Бовина Наталья Георгиевна.

- Очень приятно, Наталья Георгиевна, с Вами познакомиться.

- Судя по материалам дела, Вы признаёте себя виновным?

«Признаёте себя виновным»! Мгновенно Андрей вспомнил и заплаканное лицо дочери, претерпевшей оскорбление, и свой гнев, захлестнувший отца, выслушивавшего нагло-хамскую тираду Винцевского, и «аутодафе» в директорском кабинете. Но что мог ответить человек, подписавший протокол, в котором подробно описывал, как, «потеряв над собой контроль, нанёс два удара (один в грудь, второй в промежность) несовершеннолетнему Винцевскому»?

- Да.

- Давайте обсудим линию Вашей защиты...

- Наталья Георгиевна, мы договорились о «примирении в суде».

- Тогда просто отвечайте на все вопросы и более ничего.

- Хорошо.

- Пойдёмте, заседание вот-вот начнётся!

И заседание действительно вскоре началось. Несмотря на то, что всё происходило не в большом зале с расположенным на возвышении судейским местом и новомодной железной клеткой для подсудимых, а в небольшой комнате, вопреки замыслу проектировщиков трёхкомнатной квартиры, выгороженной из гостиной (другая часть была отдана секретарям и приставам), Андрей испытал какой-то особенный, ранее ему неведомый душевный дискомфорт. Простой письменный стол судьи стоял возле окна. Для потерпевших и подсудимых были предусмотрены стулья, расположенные вдоль стен. Между стульями были втиснуты два небольших адвокатских столика. Судья, женщина неопределённого возраста, преисполненная, как все служители Фемиды, значимостью выполняемой миссии, представившись и убедившись в том, что на её справедливый суд явились именно те люди, о которых шла речь в деле, начала судебный процесс.

Стремительно выяснив обстоятельства дела, облачённая в мантию, выглядевшую смешно в тесном, с низким потолком помещении, серьёзная, как принимающий в ряды ВЛКСМ Секретарь райкома комсомола, жрица Закона обратилась к «потерпевшим», с вопросом о заявлениях. Нина Дмитриевна, глядя прямо перед собой, подтвердила наличие заявления и высказала готовность примириться с, принесшим извинения, но скорым на физическую расправу, учителем. В общем, все присутствующие и глазом моргнуть не успели, как «суд удалился на совещание».

- Решение суда будет не раньше, чем через час, - сказала Бовина.

- Мне есть чем заняться, - отвечал Андрей, радуясь, что все судебные «разборки» закончились, так и не успев начаться.

- Тогда, до встречи, - попрощалась Наталья Георгиевна, и, прижав к уху мобильник, поспешила в соседнее здание «большого» суда защищать ещё чьи-то интересы.

Соболев, прогулявшись по залитому солнцем городу, и выветрив из лёгких застоявшийся специфический запах, свойственный всем официальным «присутственным местам», зашёл погреться в здание дома культуры.

- Ну что, девушки, дадите приют, вступившему в конфликт с Законом, конференсье? – весело спросил подсудимый.

- Ты чего шутишь? – вопросом на вопрос отвечали «девушки», отработавшие на ниве нефтезёрской культуры по пятнадцать, двадцать лет, - Что там у тебя в суде?

- Суд удалился на совещание, - бодро отвечал Андрей, - решение через час...

Сердобольные, как и все представительницы прекрасного пола на территории бывшего СССР, директор ДК и её заместители кинулись наперебой угощать учителя-конференсье чаем с припасёнными, как водится в любом допоздна работающем коллективе, сладостями. Соболев для «дэковских» давно был своим человеком.

Подкрепившись (во всех смыслах) в нефтезёрском «очаге культуры», подсудимый отправился завершать «судебную процедуру». Войти в, казалось пропитанную запахом человеческих склок, судебную квартиру было ещё неприятней, чем с утра. В прихожей бывшего жилища было в этот раз попросторней, так как свидетели школьного «ЧП» за ненадобностью были отпущены. Мать и сын Винцевские уже находились в «предбаннике» и томились ожиданием. «Это извечное томление в приёмных различных кабинетов порой объединяет людей лучше всяких лозунгов и высоких целей», - подумал Андрей, ловя себя на том, что уже не испытывает к «потерпевшим» прежней, переходившей в ненависть, неприязни. Ждать пришлось недолго. Задержавшись всего на пятнадцать минут, суд возобновил свою работу.

Вся процедура заняла минимум времени, хотя моментами Андрею казалось, что время тянется, словно резиновый бинт, из которого в детстве так удобно было делать рогатки для перестрелок ягодами незрелой рябины. Женщина-судья профессиональной скороговоркой, напоминающей храмовое чтение псалмов, ещё раз перечислила все обстоятельства дела, которые, как оказалось, выяснил суд, и перешла непосредственно к постановлению.

- В ходе судебного заседания потерпевший Винцевский В.В. и его законный представитель Винцевская Н.Д. заявили ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон...

Андрей было облегчённо вздохнул, но мантиеносная жрица Правосудия продолжила чтение.

- Мировой судья, заслушав подсудимого, согласившегося с прекращением уголовного дела и уголовного преследования, защитника, поддержавшего заявленное ходатайство, государственного обвинителя, не возражающего против прекращения уголовного дела, исследовав материалы уголовного дела, находит заявленное ходатайство подлежащим удовлетворению, поскольку в соответствии с частью второй статьи...

«Господи, да закончит она когда-нибудь?!», - раздражённо подумал «подсудимый». Речь судьи же продолжала своё в меру быстрое и непрерывное движение. Наконец, судья, к явному облегчению и Андрея, и Винцевских, вырулила из лабиринта уголовных статей и, связанных с ними, сложноподчинённых предложений.

- На основании изложенного и руководствуясь статьёй 254 УПК Российской Федерации, мировой судья постановил: прекратить уголовное дело и уголовное преследование в отношении Соболева Андрея Владимировича, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 116 Уголовного Кодекса

Российской Федерации, в связи с примирением сторон. Мэру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, избранную в отношении Соболева А.В., отменить.

«Теперь можно вести себя как угодно, жаль, только выпивать уже здоровье не позволяет...», - с иронией подумал, восстановленный в правах учитель. Вершительница же, подвластных Уголовному кодексу, судеб, тем временем с явным облегчением заканчивала.

- Постановление может быть обжаловано в течение десяти суток со дня вынесения в Нефтеозёрский городской суд, Ямало-Ненецкого автономного округа, через судебный участок номер два муниципального образования города Нефтеозёрска.

Потом, в приёмной, или как там она в суде называется, примирившиеся враги быстро расписались в получении копий судебного постановления. И отправились по домам, так как уроки в школе, где ещё недавно бушевали подростковые и родительские страсти, уже подходили к концу.

XVII

Дома Андрея встречала вся семья.

- Ну, что, как? - спросила за всех Ирина.

- Да, всё нормально, без происшествий! – отвечал, теперь уже чистый перед Законом, глава семьи.

- Пап, а последствий никаких не будет? – пробасил сын Алёшка.

- Кстати, о последствиях! Адвокат предупредила, что мне год надо посыпать голову пеплом и коллекционировать выговора и, желательно, штрафы – усмехаясь, сказал Соболев, переобуваясь и снимая дублёнку.

- Это как? – недоумевая, встревожилась, было успокоившаяся, жена.

- А так – прокуратура может проверить, достаточно ли меня наказали, или только сделали вид. В общем, год прокурорские могут в любой момент решить, что я «отделался лёгким испугом», и вернуть дело в суд...

- И что теперь делать? – заламывая руки, с горестной складкой на лбу вопрошала супруга.

- Иришка, разгладь морщинки! «Де набратися цих грошів» на их ликвидацию? Городской Прокурор меняется, в связи с этим у них там такая катавасия начнётся, что обо мне никто и не вспомнит. А вспомнят, то Петюнин уж расстарается, навешает мне на грудь выговоров, что орденов – прокуроры ещё и всплакнут от жалости! – целуя вновь охваченную беспокойством Иришку, отшутился Андрей.

- А знаешь, кто был моим, предоставленным бесплатно, адвокатом? – переключил разговор опытный, как все педагоги со стажем, манипулятор.

- Кто?

- Мать твоих частных учеников!

- Наталья Георгиевна?!

- Именно она! Так что, юридическую консультацию я получил «по благу» совершенно бесплатно. Она меня к себе в контору пригласила и после рассказа о коварстве прокуратуры начала агитировать перейти на работу во вторую школу...

- Так там её дети учатся! Это Бовина хочет их «пристроить» к тебе заниматься вокалом...

- Я так и подумал...

- Не вздумай соглашаться! Дети очень сложные... – тут же забыв о происках прокуроров, предупредила Ирина, сама изрядно намучившаяся с непоседливыми, хоть и способными детьми Натальи Георгиевны.

- Я обещал подумать. Но, зачем мне ещё один «нарыв на голову» - начинать всё с начала? Петюнин моего ухода только и ждёт!

- Ну, в пятой школе тебе тоже будет нелегко...

- Прорвёмся! Все испытания человеку даются по силам. Помнишь притчу о Кресте?

- Помню. Дай-то Бог, чтобы не надорваться...

- Я же тренируюсь! – отшутился Андрей.

Нужно было отдохнуть перед трудной и долгой службой. Певчим предстояло спеть «полтора гектара» нотного текста. Антифоны страстной пятницы, исполняемые в четверг вечером, в музыкальном отношении не были сложны, они пелись на глас, но требовали особого внимания к самому богослужебному тексту и порядку исполнения. Трипесенц канона традиционно звучал в изложении священника Петра Турчанинова, жившего в XIX веке и гармонизовавшего древние напевы, словно учебные задачи. Песнопения получались красивыми, изобилующими отклонениями в родственные тональности, но требующими особого внимания во время пения, так как голосоведение порой было скорее инструментальным, нежели вокально-хоровым. Но главное, служба Страстей продолжалась почти пять часов! Андрей помнил совет настоятеля Свято-Воскресенского храма в Чернигове. Отец Иоанн, удивительно похожий на актёра Станислава Любшина, как-то сказал регенту правого хора Воскресенки, что перед вечерним богослужением надо отдыхать, желательно лёжа. Молодой и полный сил регент Соболев тогда пропустил совет опытного протоиерея мимо ушей, но с годами пришёл к выводу, что священник был прав. Кто-кто, а «начальник хора» просто обязан на службе находиться «в форме» и мгновенно реагировать не только на неизбежные, хоть и нежелательные ошибки своих певчих, но и на изменения, тоже неизбежные, возникающие в богослужении из-за самих служащих в алтаре.

Так что, наскоро перекусив, вывернувшийся из лап российского Правосудия, Соболев лёг вздремнуть, слава Богу, уроков во вторую смену в этот день у него не было. Заснуть, правда, не получилось. Слишком много адреналина было выброшено в кровь за утренние часы судебного «марлезонского балета». Пришлось даже встать и принять пяток таблеток экстракта пустырника. Наконец, справившись с нервами, Андрей задремал.

Во сне, почему-то, регент хора увидел не страстную, а рождественскую службу. Ту, что в девяностые проходила на украинско-польской границе в Яблочинском монастыре. Снова все, с кем Андрей начинал создание церковного хора, были вместе. Рядом пели ещё юная Вера Федченко (ныне мать троих детей) и Наталья Донская, оставившая хор в поисках более лёгких хлебов. С ними, близоруко щурясь в партес, стояла Эля Тимошкина, пришедшая после ухода Наташки в Православное певческое общество. Тут же пела улыбчивая Света Евтушенко, ныне московская дама высшего света, а вторила ей Тамара Ленько. Причём вторила без обычных для неё «киксов». Почему-то рядом с ними стояли нефтеозёрские сопрано две Оли, Люда и Наташа. В альтовой партии мощно звучала Лена Могильная, на самом деле ушедшая вместе с Донской назад в Казанку к отцу Николаю, так беспощадно изгнавшему первый состав из окормляемого им храма. Альтовый ансамбль дополняли Наташа Волкова, Марина Гречко и Маша Тарабукина, а помогала им, старательно выпевая сложные мелодические скачки, Марина Гончаренко, пришедшая в хор тоже перед памятной поездкой в Москву. К слову, Марина со временем сама возглавила хор окружного военного ансамбля, проявив недюженные способности

истинного хормейстера, и снискав славу и звание Заслуженной артистки Украины. Тут же лихо читали с листа нефтеозёрские хористки Лариса Удод и Лена Шеляпина...

В мужской группе сон тоже собрал всех, кто, когда либо, пел под руководством Андрея. Истово «тенорили» оба Санечки – кум Тарабукин и последователь своего учителя на нелёгком регентском пути Корзаченко (он же Корзапян). Им вторили Вовка Кордыбанюк, гуцул, каким-то чудом оказавшийся в рядах студентов Черниговского музыкального училища, и Витя Петрушанка, певший уже после ухода Володи, покинувшего ППО, повинувшись зову волевой и сексуальной Натальи. Каким-то непостижимым образом в теноровой партии оказался и рыжеватый Володя – столяр, обученный Соболевым нотной грамоте уже в Нефтеозёрске. Вова выбрал жизнь странника, оставив и хор в Спасо-Преображенском храме, и комнату в нефтяном общежитии, превратив свою жизнь в вечное паломничество по Святым местам и лишив тем самым Андрея последнего «живого» тенора православного вероисповедания...

Басы же были просто великолепны! Мощно и ровно звучали Валера Друговской и Володя Домашенко (ныне отец Владимир), кстати, никогда не певшие вместе. Линию баритона выводили Коля Невшупа, когда-то явившийся катализатором возникновения Православного певческого общества и Андрюша Данилевич, «доставшийся» Соболевскому составу «в наследство» от хора «имени Шахимова». Здесь же стремительно выпевал невообразимые скачки рождественской стихир Дима Дун, начинавший с Андреем историю нефтеозёрского церковного хора. Всю партию обволакивала рокочущая октава Паши Гончаренко и Олега Степасюка...

Во сне, эта «сборная» звучала потрясающе! Андрей испытывал какой-то нереальный восторг, управляя этим органоподобным, послушным каждому движению дирижёра, хором. Казалось, Творец утешал «влипшего в историю» регента, посылая ему такое сновидение. Нет, не зря все эти годы Андрей с маниакальным упорством продолжал, начатое когда-то в Казанской церкви дело. Не зря вывез на Север огромный рюкзак богослужебных нот. Не случайно, словно попавший в беду подводник, боролся за живучесть нефтеозёрского хорового коллектива! Вот уж и полноценный хор превратился в «трёхколёсный «Мерседес», а всё не обрывалась нить ангельского чина, выпрядаемая Соболевым с начала девяностых в Чернигове. Стали регентами ученик и соратник Саша Корзаченко и друг Санечка Тарабукин. Уже сегодня, Андрея на клиросе могла заменить талантливая и сметливая Лариса, постигшая «регентскую премудрость», непосредственно во время служб и исполнения альтовой партии. Наконец, почти все, прошедшие через хоровые составы, руководимые Андреем, продолжили петь в церковных хорах. Это была его, Соболевская лепта в церковную хоровую кружку. Лепта, за которую не было стыдно...

Сняв последний аккорд, Андрей проснулся. За окном уже во всю устанавливали свои правила жадные до темноты северные сумерки. До службы оставалось три часа – время, за которое должен был проснуться голос, приходящий в рабочее состояние не раньше двух часов после пробуждения. К самому богослужению Андрей был готов – ноты лежали в нужном порядке в специальных папках, порядок службы уже давно был затвержен наизусть и записан (на всякий случай) на специально заламинированных листах хорошей бумаги, а певчие отличались дисциплинированностью, всегда приходя вовремя на ответственные «выезды» нефтеозёрского «трёхколёсного «Мерседеса».

Невзирая на полную «боевую готовность», Андрей ещё раз тщательно перебрал все ноты, сверяясь с записями в блокноте, который начал вести ещё в качестве певчего в черниговском Троицком соборе. Потом, помятуя слова своего армейского замполита о

том, что лучше «перебдеть, чем недобдеть», регент обзвонил всех певчих, лишний раз напоминая о времени выхода на службу.

Налив в пластиковую бутылку тёплой кипячёной воды, и взяв в руки сумку с нотами, отдохнувший душой и телом регент отправился в храм, где ему предстояло вместе с настоятелем, прихожанами и своими певчими прожить последние часы земной жизни Спасителя. Прожить и пережить. Прожить и пропеть...

XVII

Храм встретил Андрея сдержанным шёпотом прихожан, стоявших в длинной очереди к свечному ящику и не спеша расходившимся по «своим», намоленным за недолгие годы нефтеозёрских богослужений, местам.

Традиционно мужчины становились по правую руку, а женщины по левую руку от аналоя. На Украине такое, строго по половому признаку, размещение молящихся в церкви не было принято, и регент поначалу удивлялся «косности» нефтеозёрских православных. Потом, во время проблем с голосовыми связками, не выходя на клирос, он, стоя среди прихожан, оценил древнюю традицию по достоинству. Действительно, не видя перед собой женских соблазнительных, несмотря на храмовую «упакованность», фигур, настроиться на молитву было легче. Традиция мудра и основана всегда на исключительно жизненных явлениях. Предки, веками учитывали и «просчитывали» негативные факторы риска в отношении полов. Учитывали, ограждая прихожан от излишнего соблазна, надевая на голову замужних дам платок (на самом деле покрывало, паранджу – отличительный знак замужней женщины) и требуя от женщин, находящихся в храме, закрытых одежд, разводя молящихся мужчин и женщин в разные стороны...

Купив толстую, «долгоиграющую» свечу, регент поднялся на клирос, дабы максимально собранно подготовиться к долгой и трудной службе. Раскладывая ноты и пропевая про себя сложные места, Андрей сверял порядок песнопений с Типиконом (церковным Уставом), чтобы, не дай Бог, не ошибиться на такой службе.

Постепенно церковь наполнялась людьми, пришедшими провести последние часы земной жизни Спасителя рядом с Распинаемым и гонимым Богом. Вездесущие женщины, следящие в приходских храмах за чистотой и порядком, вынесли в центр раскладной аналой, покрытый траурным чёрным с ткаными серебристыми узорами парчовым платом.

Пришли певчие левого, или как ещё его называют, «бабушкиного» хора. Пели они без нот, по слуху и это обстоятельство считали чуть ли не своей заслугой, постоянно демонстрируя «правому», нотному, хору некое своё превосходство – мол, по нотам пусть поют те, кто петь не умеет, а вот мы без нот, на глас любой текст «шпарим». Они действительно «шпарили», выходя, в отличие от соболевских соратников, на все богослужения, словно рабочие лошадки, везя на себе нелёгкий груз церковного певческого обихода. Андрея порой раздражали их попытки вмешаться в его репертуарную политику. Он резко отвечал на «вказівки», исключавшие партес «как класс», вспоминая великолепную экранизацию чеховских рассказов режиссёром Михаилом Швейцером, где протодиакон (Владимир Басов) и регент (любимый Евгений Леонов) так же постоянно конфликтовали из-за отношения к «нотному пению» в церкви. «Важнейшее из всех видов искусств» помогало примириться с извечным противостоянием «левых» и «правых» в приходской жизни.

Нужно сказать, что перед службой, на которой вспоминаются Крестные Страдания Христа, сторонники традиционного «гласового» пения в храме с Андреем в конфликт не

вступали, понимая, что Страстная седмица – время особого смирения. Не «лез в бутылку» и регент правого хора...

Быстро разделили между хорами песнопения. От лёгкого спора удержаться, всё таки, не смогли. «В Типиконе указано петь каждый антифон по два раза!», - вопросительно улыбаясь, сказала Андрею главная псаломщица «левых» Светлана. Андрей, помятуя все мытарства последнего месяца, от «боя» уклонился: «Так возьмём благословение у батюшки. Как он скажет, так и будет!», - примирительно сказал регент, знавший с вероятностью до девяносто девяти процентов, что настоятель, измождённый весьма продолжительными великопостными богослужениями и огромным количеством исповедей, вряд ли пожелает кардинально увеличить продолжительность «страстей». И действительно, пришедший вскоре отец Алексей, сказал своё решительное «нет» планам, пытающимся соблюсти «букву» церковного Устава, «левых» певчих! Андрей, хоть и был с отцом-настоятелем в несколько натянутых отношениях (сказывалось разное понимание места в богослужении партесного пения), отца Алексея активно поддержал, ссылаясь на свой опыт приходских церковных служб.

Действительно, Типикон (церковный Устав) сложился на Ближнем Востоке в первые века христианства. Формировался он, прежде всего, как кодекс монастырского богослужебного порядка и каждодневного быта. Разумеется, монахи никуда не спешили, живя отшельниками и посвящая каждую минуту своей аскетической жизни молитве. По сути, Типикон является неким идеалом церковного бытия в миру. Идеал, как известно, служба примером, может быть, всё же, и недостижим. Так даже лучше, ведь осознание того, что есть, куда расти, является прекрасным стимулом совершенствования. Это давно поняли в приходских (не монастырских) храмах и общинах, по возможности сокращая количество повторяемых молитв и чтений Псалтири. Были, правда, особые ревнители церковного благочестия, которые пытались, экономя время прихожан, всё же соответствовать типиконовой «букве» - они ввели практику одновременного чтения и пения всех, полагавшихся на богослужении, псалмов и молитв. Но такой, поистине фарисейский подход к исполнению Устава, привёл богослужебную практику к полной неразберихе и суеде. Пётр I запретил в церквях «многогласие», то есть попытки выполнить все требования Устава с экономией времени. С тех пор церковная служба значительно «потеряла в весе», но выиграла в плане доступности (как духовной, так и физической). Типикон, по-прежнему предписывал вычитывать и пропевать «всё, что положено», но на приходах службы традиционно сокращались, уменьшаясь в объёме, но сохраняя дух каждого богослужения.

Убедившись в правильности подготовки к богослужению, Андрей с нетерпением стал поглядывать на часы. На самом деле певчие «правого» хора, отпросившись пораньше с работы, уже спешили в храм. Но регент, по многолетней привычке, всё же волновался. Сколько раз за время его руководства хорами Казанской и Воскресенской церквей родного Чернигова приходилось начинать службы в неполном составе. Соболев, будучи по природе человеком мягким (хотя и вспыльчивым) даже ввёл систему штрафов за опоздания. Эта «буржуйская» мера вызвала в среде хористов искреннее возмущение, но опоздания, тем не менее, прекратились. Так что, в конечном итоге, богослужение оказалось в выигрыше – за пять минут до первого «Аминь» хор в полном составе «ел глазами» дирижёра, готовясь мощными аккордами отвечать на каждый возглас священника. Черниговский опыт оказался абсолютно неприменимым в Нефтеозёрске. Пели «правые» за символическую плату. Было их, обидно, мало. Да и это «малое стадо» постоянно проявляло тенденцию к сокращению – на Севере все люди временные. Так что,

пришлось Андрею «вести разъяснительную работу» с каждым хористом, убеждая и уговаривая, отложив все дела, спешить на службу, дабы звучание хора (вернее, ансамбля) соответствовало партитуре. Волнение стало привычным богослужебным атрибутом нефтеозёрского регента. На этот раз коллектив собрался почти вовремя. Последней буквально влетела на клирос Оля Мальцева, всегда спешившая и едва успевавшая после уроков в школе искусств, где каждый педагог «тащил на себе» по две, две с половиной ставки (а иначе даже на «северах» прилично не заработаешь). Из алтаря раздался первый возглас священника и псаломщица начала вычитывать положенные молитвы и псалмы.

Андрей в полголоса объяснял певчим, что и в каком порядке нужно будет петь, тут же пресекая попытки хористов, пропустивших последние спевки, выдернуть забытые ноты из общей стопки. «Всё должно лежать по порядку!», - жёстко сказал регент. Да, порядок на клиросе во время богослужения определял многое, если не всё. Каждое песнопение должно было быть открыто за несколько секунд до своего звучания. Исполнение начиналось в ответ на какой либо возглас священника из алтаря, и неоправданные паузы не только затягивали и без того продолжительную службу, но и разрушали само богослужебное действие...

Наконец, было вычитано шестопсалмие. Священник, молившийся у Царских врат, начал Великую ектенью. На каждый возглас батюшки хор отвечал «Господи, помилуй». Пели любимую Андреем ектенью Сергея Толстокулакова – композитора из Новокузнецка. Когда-то, разбирая ноты, которые ему стопкой принесли студенты Черниговского духовного училища, регент, тогда ещё Казанского храма, обнаружил две толстокулаковские партитуры. Это была «Богородице Дево» и та самая великая ектеня. Как попали эти ноты в Чернигов из далёкого Новокузнецка до сих пор загадка. Но попали же! С этих двух партитур и началось знакомство Соболева с творчеством этого удивительно скромного и замечательно талантливого человека. Потом, работая в Ноябрьске, Андрей познакомился с ученицей Сергея Борисовича. Она дала на время сборник произведений своего учителя, изданный Новокузнецким духовным училищем. Два месяца, вернувшись «на севера» Андрей, переписывал эти ноты, тут же отправляя копии в Чернигов. У Татьяны (а именно так звали ученицу композитора) оказался ещё и диск с записями новокузнецкого хора, исполнявшего практически все песнопения из сборника. Обалдевший от счастья новоявленный северянин написал кумиру восторженное письмо. Композитор ответил, прислав ещё один диск и газеты, из которых Соболев узнал подробности нелёгкого жизненного пути композитора и его жены Ангелины – великолепного хормейстера. С тех пор строгие, несущие в себе отзвуки подлинных церковных распевов, песнопения новокузнецкого композитора стали обязательными в обиходе, возглавляемого Андреем, певческого коллектива. Надо сказать, что в Чернигове Санечка Корзаченко тоже «запал» на толстокулаковские ноты (не зря, старательно переписав очередное песнопение, Андрей почтой отправлял партитуру своему ученику), и приезжая в отпуск, зайдя в «свой» храм, Соболев слышал всё, что когда-то переписывал, в очередной раз, восхищаясь композиторским даром человека со странной фамилией...

Вместо «Бог Господь» на «страстях» пели «Аллилуйя» особым напевом, а так же тропари, повествующие о предательстве Иуды. Совершив полное каждение храма, отец Алексей встал возле аналоя, на котором уже лежало на престольное Евангелие. Настоятель возгласил чтение первого отрывка из Евангелия. «Слава Страстем Твоим, Господи», - широким, похожим на лирическую украинскую песню, напевом предварил чтение хор. Все зажгли заранее приготовленные свечи и в храме зазвучали слова Священного писания.

По окончании чтения Андрей передал тон, и хор запел первый антифон. «Князи людстии собираются на Господа и на Христа Его», - сдержано пели хористы восьмым гласом, преуговоря собравшихся к великой сопричастности Страданиям Сына Божьего. Антифоны исполнялись по три. Когда-то, в византийской традиции, их пели попеременно два хора (отсюда и название – антифоны, то есть хоры напротив друг друга). В современной, бедной на грамотных певчих, приходской богослужебной практике эти песнопения исполнял, как правило, один хор. Андрей, зная, как трудно «дружат» с гласовым пением музыкально грамотные хористы, распisał все пятнадцать антифонов нотами, оставляя певчим только труд прочитать с листа распечатанные партитуры.

«Тече глаголя Иуда к беззаконным книжником: - Что мне хотите дати, и аз вам предам Его?», - уже шестым, самым употребляемым в храмах гласом, пели певчие о предательстве одного из учеников Спасителя. По сути, перед собравшимися в храме проходили последние сутки земной жизни Иисуса. Хор, словно в греческой трагедии комментировал события, главным же в этой церковной мистерии было Евангелие – книга, где подобно криминалистическому отчёту описывались все события, пытки и казнь Агнца, искупившего все наши человеческие несовершенства, заплатив страданием и жизнью и за первородный грех прародителей, и за жестокосердие богоизбранного народа, и за вечное стремление человека подчинить и унижить ближнего своего. Андрей не раз был свидетелем удивительного воздействия евангельского текста на читавших вечную Книгу священников. Мистически все, приходящие в этот день в храм, сопровождали Спасителя и на суд Синедриона, и на суд Пилата, и на бичевание, и к Кресту. Порой батюшки не могли справиться с эмоциями, и прекращали на время чтение, подавляя рыдания.

Наконец, хор исполнил Богородичен – обращение к Деве Марии, стоявшей у Креста и видевшей казнь своего Сына: «Спаси от бед рабы Твоя, Богородице, яко вси по Бозе к Тебе прибегаем, яко нерушимей стене и предстательству».

С девяностого года Андрей участвовал в этом богослужении. Был период, когда его хор не пел в храме, и тогда, влекомый каким-то особым чувством, Соболев шёл в близлежащий собор и возжигал свечу, слушая евангельские строки о страданиях Спасителя. Каждый раз рассказ евангелистов для молящегося звучал по-разному. В этом, по мнению Андрея, и заключалась сила христианских богослужений. Строго выверенные тексты и повторяющиеся действия не надоедали, но каждый раз с новой силой воздействовали на человека, находя в душе прихожан и заставляя звучать всё новые и новые струны. В сознании регента годовой богослужебный круг напоминал знаменитое «Болеро» Равеля, где каждое проведение повторяющейся темы, что-то меняло в аранжировке, характере, а значит и слушательском восприятии. Только церковное действо было несравненно глубже по воздействию, чем музыка французского композитора-импрессиониста.

Священник возгласил ектенью. Хор на каждый возглас отвечал «Господи, помилуй». Спели седален: «На вечери ученики пита...», и вновь зазвучали строки Евангелия, погружая всех в события почти двухтысячелетней давности. Горели свечи. Отчётливо звучал негромкий голос священника. Отец Алексей закончил читать. Задав тон, регент вместе с певчими запел: «Слава долготерпению Твоему, Господи». И тут у Соболева появилась, поначалу показавшаяся посторонней, мысль: «А ведь это меня испытывал Господь на долготерпение!». Действительно, травля Петюнина и аутодафе педагогического «консилиума», следствие и суд, а главное, само примирение с обидчиками дочери были испытанием. Что-то подсказывало не в меру горячему педагогу,

что испытание он выдержал, так как не озлобился и действительно простил врагов. Это открытие окрасило всё богослужение совершенно по иному, чем в предыдущие годы. Нет, Соболев не умилялся до слёз схожестью ситуаций гонения на Сына Божьего со своими «приключениями», но как бы сам вошел в евангельские события, обретая подлинную, а не зрительскую сопричастность всему, что происходило в Иерусалиме почти две тысячи лет назад.

После шестого чтения Евангелия хор запел заповеди блаженства. «Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!», - повторили певчие слова благоразумного разбойника, сказанные им на кресте Спасителю. «Блажени нищи духом, яко тех есть Царство Небесное», - продолжал хор песнопение. Андрей старался, чтобы певцы избегали обычных в таких случаях «красивостей» в пении. Его трёхголосное детище звучало ровно и сдержано. «Блажени алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся», - тем временем продолжали певчие. А регент думал о том, что на правду нельзя получить патент, подтверждающий её подлинность. Правда - абсолютная величина и насыщение ею происходит не в зале суда, не в высоком кабинете, а в душе человека. Впрочем, мысли были, как принято сейчас говорить, «в фоновом режиме». Песнопение же продолжалось своим чередом. И вот торжественно зазвучали слова: «Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на Небесех!». Соболев снял звук хора, сам испытывая чувство, подобное радости. «Распяли, но не сильно...», - вспомнились слова из песни Высоцкого. Что были все переживания последних месяцев, по сравнению с Подвигом Спасителя? И тем не менее, всё прошедшее не уходило, как бы сливаясь со страстным богослужением, наполняя каждый жест, каждый, спетый Андреем, звук особой личной интонацией...

Служба, тем временем, добралась и до прокимена «Разделиша ризы моя себе и о одежде моей меташа жребий». «Это и у нас умеют – «ризы делить», - подумал Соболев. «Ничего не изменилось за две тысячи лет, а значит и нечего переживать о том, что произошло», - окончательно успокоился мятежный учитель. Трипесенц в гармонизации Турчанинова пели с удовольствием – за год певчие успели соскучиться за величественным напевом. «К Тебе утреннюю, милосердия ради Себе истощившему...», разносилось по вечернему храму. Ближе к окончанию богослужения силы, казалось, вернулись к уставшим певцам. «Ещё чуть-чуть, и у нашего трёхколёсного «Мерседеса» появится четвёртое колесо!», - улыбнулся про себя Андрей. Наконец запели трио «Разбойника благоразумнаго». Вспоминая покаявшегося на кресте преступника, каждый в храме как-то умягчился сердцем. «И мене древом крестным просвети и спаси мя...», - закончил песнопение хор. Вновь настоятель читал Евангелие о последних минутах жизни Сына Божьего на Земле. И вот прозвучали слова о страшном знамении кончины Спасителя. «Тьма по всей земли» - убивший Свет, облачится во тьму. Но Свет неистребим. Пройдёт ещё три неполных дня и празднично зазвучит по всей Земле, на всех языках «Христос воскрес!». Так и человеческая душа, казалось, затоптанная и потерявшая способность озаряться Светом Добра и Истины, вновь воскресает для «добротного делания». Воскресает, вопреки планам Тьмы...

Хор уже венчал богослужение тропарём «Искупил ны еси от клятвы...». Народ, собравшийся в храме, возжигал свои намоленные свечи, чтобы принести живой огонёк домой. Андрей многие годы для этой цели использовал самодельный фонарь, сделанный им из двухлитровой пластиковой бутылки. Верхняя узкая часть срезалась. Снизу прожигалось отверстие для свечи и дырочки для вентиляции. По центру сосуда находилась проволочная растяжка, удерживавшая горящую свечу. Вся конструкция закреплялась на ручке из тесьмы. Каждый раз, видя регентский фонарь, все хвалили и изучали

конструкцию. Но, правда, никто так и не сделал такой же, хотя Андрей предлагал наладить производство пластиковых фонарей в воскресной школе.

Закрепив как следует свечу, Соболев оделся и, перекрестясь у выхода, направил свои стопы в сторону дома...

* * *

На улице во всю уже хозяйничала северная ночь. Горели придорожные фонари, светились магазинные вывески и витрины. Редкие прохожие оглядывались на расходившихся после службы прихожан. Каждый нёс в руках живой, словно бабочка, трепыхающийся на ветру огонёк. Казалось, что люди разносят по городу не просто горящие свечи, а свои, горящие Верой души. Вот так сегодня и теплится Вера в человеке, словно, готовый вот-вот погаснуть, огонёк свечи на ветру. Но не гаснет небольшое пламя, и жива Православная Церковь, и живёт Человечество, делая свои, порой кровавые, гешефты, всё реже поднимая глаза к небесам...

Андрею предстояло пройти очень ветреный отрезок пути, ведущего к дому. Панельные пятиэтажки в этом месте волей строителей были расставлены так, что любое движение воздуха многократно усиливалось между домами. Регент даже поднял свой самодельный фонарь к груди, прикрывая его сверху рукой. Ветер, как будто из засады накинулся на изготовившегося к схватке Соболева. Пламя свечи заметалось за прозрачными стенками обрезанной бутылки, словно уворачиваясь от ударов коварной стихии. Порывы ветра были столь сильны, что Андрей расстегнул куртку, прикрывая полую свой огонёк. Регенту вспомнились финальные кадры из фильма Андрея Тарковского «Ностальгия», где главный герой несёт, гаснущую на ветру, свечу. Потерпев неудачу, артист Олег Янковский возвращается «на исходную», вновь и вновь пытаясь донести свой огонь к стене, где горят свечи других людей.

Учитель, едва не ставший уголовником, продолжал свой путь, оберегая свечу так, словно от того, донесёт или не донесёт он пламя к своему обиталищу, зависела вся дальнейшая судьба и жизнь. И уже не Андрей нёс горящий в ночи фонарь, а слабое пламя свечи вело его к семье и дому. Вело, успокаивая и согревая, внушая надежду и укрепляя на пути...